Анна Соле
Этрусский браслет

Анна Соле
Этрусский браслет

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4905314
Этрусский браслет: Accent Graphics Communications; Montreal; 2012
ISBN 978-1-301-15775-4

Аннотация

В этой книге слились в одно захватывающее повествование разные века, цивилизации, судьбы.

Акрисия из этрусского Вейи гадает по полету птиц, летит навстречу любви к римлянину Гаю, но такое близкое счастье оборачивается для нее рабством. Ее сыну Сервию суждено взойти на Римский престол и стать любимым народом царем.

А Марина живет в современном Риме. 2600 лет разделяют ее и Акрисию, а связывают сны и этрусский браслет, который Марина хочет достать из древней гробницы.

Акрисия и Гай, Марина и Лучано, и еще Микеланджело, Боттичелли, Лоренцо и Джулиано Медичи, Бьянка Капелло, Марк Шагал. Блеск талантов, вершины славы, стремительные падения, рок, смерть, расставания, крушение надежд и обретение любви.

Роман Анны Соле “Этрусский браслет” написан живым языком и читается на одном дыхании.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 36

Анна Соле
Этрусский браслет

* * *

Он начал в баре на via Nazionale, за ним последовал ресторан на via Tritone, потом несколько невообразимых коктейлей в кафе на via Corso, и там он, наконец, забылся. Но забытье было недолгим, и вдруг опять, как наваждение, перед глазами стал возникать ее образ – глаза, волосы, губы. Он встал, шатаясь, вышел из бара и поплелся дальше. Куда он шел по вечернему Риму, он сам бы не смог сказать сейчас. Он проходил по старинным узким улицам, миновал фонтан Треви, не замечая, как его толкают туристы. Он хотел только одного: вырвать ее из своей памяти, но как раз этого ему не удавалось. Разве можно забыть самое яркое, что было в жизни? Разве можно не вспоминать часть себя, причем лучшую часть? Это все равно, что не дышать и не видеть… И он шел и шел куда-то, опустив голову.

Почему-то он внушил себе, что, если напиться очень сильно, то ее образ покинет его. И он пил. Пил вино, водку, джин, коньяк, а затем перешел на коктейли.

В два часа ночи он очнулся на диване в каком-то баре в районе Trastevere. С трудом найдя хозяина, он сунул в руку сонного мужчины крупную денежную купюру, и тот выпустил его из уже закрытого заведения на улицу – в холодную, пугающую мглу.

Он зашагал прочь – по узким лабиринтам переулков, по мрачным кварталам, туда, где могли обокрасть, побить, отобрать все, что у него было. Он шел в неизвестность и…. ему было практически все равно. Хорошо, что мимо проезжал ночной автобус, и он решил не испытывать судьбу и поехал в ночь.

Ночь. Раньше он любил ночь с ее манящими огнями, таинственностью, каплей адреналина в крови и время от времени гулял по ночному Риму. Потом, когда он встретил ее, то полюбил ночь еще больше… Ночью он спал с ней. Вдвоем, в шикарной спальне, на большой дубовой кровати; ее шелковые волосы касались его щеки, и от нее пахло морем и счастьем. Счастьем был наполнен воздух спальни, он улыбался во сне и обнимал ее за плечи, и не только за плечи. Так было вчера и он думал, что так будет всю жизнь, но…он потерял ее. Потерял только сегодня утром и, о, Господи, только бы не навсегда!

Лучано ехал по Риму и ясно понимал – ему нельзя домой. Там остался ее запах, под подушкой лежит ее ночная сорочка, в шкафу висят ее вещи, – вот только ее самой там нет. Она покинула его дом сегодня утром, не забрав практически ничего, и Лучано знал – ее гордость не позволит Ей вернуться. Ему надо как-то умолять Ее, стоять на коленях и тогда, может быть, она сжалится. Он бы с удовольствием стоял и упрашивал, но не знал, как Ее найти. Он пытался позвонить ей уже полсотни раз, но ее телефон был отключен.

Иногда спасительным светом надежды его озаряла мысль: может быть, она придет за своими вещами? Но надежда сразу гасла: лучше, чем кто-либо другой, он знал – из-за блузок и юбок она, точно, возвращаться не станет.

Почти силой Лучано заставлял себя не думать о ней, но не мог. И после нескольких попыток, он все же смирился и стал вспоминать тот день, когда впервые увидел ее. Со дня их знакомства прошло более года, но Лучано был уверен, что началось все раньше, намного раньше. Это было в октябре месяце… двадцать четыре года назад, когда ему только-только исполнилось восемь лет.

В пятницу вечером отец усталый пришел с работы. Они, как обычно, вместе поужинали, и Лучано уже собрался снова убежать на улицу, чтобы продолжать свою игру с друзьями, но папа подозвал его к себе:

– Послушай, завтра я поеду во Флоренцию и, если хочешь, я могу взять тебя с собой, но встать придется очень рано.

– Я поеду, папа. Я очень хочу поехать! – прокричал Лучано.

– Тогда иди в постель. Завтра я разбужу тебя, – усмехнулся отец.

И Лучано не пошел, он побежал в свою комнату, разделся и лег спать, вот только заснуть ему никак не удавалось. Ворочаясь, он все пытался представить себе, какая она – Флоренция!? Раньше он никуда не выезжал из своего маленького городка, находящегося южнее Рима, но завтра, наконец-то, ему предстоит его первое, долгожданное путешествие.

Под утро, когда, казалось, он только-только закрыл глаза, отец разбудил его. Лучано моментально оделся, и вместе они пошли на вокзал. Он держал большую натруженную руку и еле поспевал за отцом, делая за один его шаг два своих. Сначала они доехали до Римского Термини и почти сразу сели в поезд, направляющийся во Флоренцию. И там, в поезде, папа наклонился к нему и сказал:

– Послушай, сынок, сегодня тебя ждет чудо. Смотри, не пропусти его.

Маленький Лучано, распахнув свои большие восторженные глаза, стал быстро-быстро думать: «О каком же чуде говорит отец? Наверное, в этой Флоренции есть большой магазин игрушек, и мы обязательно пойдем туда. Папа купит мне огромную пожарную машину, у которой будет выдвигаться лестница. А еще в этой машине будут маленькие человечки в красных костюмах и касках. Нет, а может, мне выбрать вертолет? Вертолет, наверное, даже лучше. Я один раз видел такой красивый у мальчика из нашей школы».

Лучано мечтал об игрушках всю дорогу. Его семья жила бедно и даже на Рождество и в дни рождения детей родители дарили что-то из одежды и обуви, и почти никогда – игрушки. Лишь изредка, тайком от отца, мама покупала мальчикам маленькие дешевые машинки, которые очень быстро ломались.

«Что же выбрать?» – думал Лучано. – «Вертолет? А, может быть, попросить корабль? Такой белый, большой, чтобы было несколько палуб и крошечные иллюминаторы, или все-таки машину?»

Лучано несколько раз хотел спросить у отца, сколько игрушек он сможет ему купить, но, посмотрев на него, не решался задать свой вопрос. У папы было какое-то другое выражение лица: совсем не то, усталое и озабоченное, которое он видел всегда. Сейчас папа смотрел в окно вагона, и Лучано видел, как он чуть заметно улыбался.

И тогда Лучано тоже начал глядеть в окно – сколько же там было интересного! Они проезжали города, поля, небольшие деревенские домики, и все это, казалось ему, было из сказки. Поезд скользил мимо гор, рек, кипарисов, пасущихся коров и овец, а мальчик представлял себе, что он разыгрывает кукольный спектакль – меняет декорации, играет крошечными машинками и человечками, маленькими домиками и деревьями. Вскоре Лучано заснул, и ему снилось что-то очень хорошее, правда, он не мог бы вспомнить, что именно.

И вот, наконец, поезд прибыл во Флоренцию.

Они вместе выходят на вокзал Санта-Мария Новелла, отец берет его за руку и ведет куда-то по узким мощеным улицам.

Во Флоренции намного прохладнее, чем в его городе, и Лучано с интересом рассматривает осенние, охристо-красные наряды деревьев. Они проходят мимо старинных домов, красивых церквей, строгих дворцов, и оказываются на большой площади, где, загораживая собою не только соседние здания, но и половину неба, возвышается огромный собор. Мальчик старается охватить его взглядом, и вдруг понимает, что это вовсе не собор, это… облако. Гигантское облако, которое сумели затащить на землю и превратить в камень. Белое, резное,

ажурное, воздушное, – оно притягивает лучи солнца и отражает золото осенних листьев и нежную зелень травы, убегает ввысь вместе со своими арками, нишами, статуями, украшениями, и парит в голубом небе, таком далеком для нас, и таком родном и близком для него.

– Это Санта Мария дель Фьоре, – объясняет папа. – А рядом колокольня Джотто. Посмотри на купол собора, сынок – это знаменитый купол Брунуллески. Но нам надо торопиться, пойдем.

И он тащит сына за руку дальше.

– Папа, а здесь магазин игрушек такой же большой и красивый, как этот собор? – спрашивает Лучано.

– Не знаю, а зачем тебе магазин игрушек? – удивляется отец.

– Но как же, ведь ты обещал сегодня, что купишь мне игрушку.

Ведь правда? – с мольбой в голосе и надеждой в глазах вопрошает маленький Лучано.

Отец сначала нахмурил брови, а потом усмехнулся:

– Я обещал тебе чудо. И ты скоро увидишь его, но это не игрушки.

Слезы у Лучано закапали из глаз сами собой. Он начал вздрагивать всем своим хрупким тельцем, всхлипывать, а обида, горьким комом застряла у него в горле. Папа заметил, что он плачет, и присел перед ним на корточки:

– Послушай, ты уже взрослый, – сказал он. – Ты должен понять, что чудо – это не только игрушки. Иногда чудо – это что-то большее. А теперь успокойся и пошли.

Но Лучано… Еще несколько минут назад он так упоительно играл в своем воображении вертолетом и машинкой… один миг, и у него отобрали все, оставив пустые слова. Он старался не плакать, стискивал зубы, но слезы, не переставая, катились по его щекам. И он плелся следом, не видя ничего вокруг, смотря только себе под ноги, пока случайно не взглянул на отца. Мальчик никогда не видел своего папу таким. Сын почувствовал, что его отец, такой суровой, большой, сильный, волнуется сейчас и куда-то торопится, что его мысли заняты чем-то таким, что заставляет его широко улыбаться и смотреть не под ноги, как обычно, а вверх – на бесконечное, голубое небо Флоренции.

Вскоре они вышли на большую площадь, где в открытой лоджии стояли красивые статуи. Лучано замедлил шаг – он хотел задержаться, чтобы рассмотреть их получше, но отец потянул его вперед. Они свернули за угол и оказались между двумя дворцами, соединенными аркой. Папа остановился у входа в один из них, постоял несколько секунд, затем глубоко вдохнул и сделал шаг к двери. Вместе они медленно вошли во дворец.

Пока отец покупал билеты, сын вертел головой по сторонам, надеясь отыскать что-то такое интересное, необъяснимое, загадочное, что заставило волноваться его большого отца как маленького ребенка. Лучано не увидел ничего стоящего, а папа, купив билеты, подошел к нему:

– Послушай, сын, это знаменитая галерея Уффици. Здесь находятся самые лучшие картины в мире. Пойдем.

Они поднялись вверх по лестнице, пролет за пролетом, и вошли в длинный коридор, одну сторону которого занимали прекрасные статуи.

Отец наклонился к нему и сказал:

– Теперь ты ходи здесь один. Ходи и смотри, и ты встретишь свое чудо, потому что в этом здании хранится великое множество разных чудес. Не бойся, я найду тебя.

И он выпустил его маленькую руку и ушел, растворившись в толпе. А Лучано остался.

Сначала ему стало страшно, но потом, увязавшись за группой туристов, он попал в большой зал, где висело несколько красивых полотен. Маленький Лучано стал внимательно рассматривать их.

Он переходил от одной картины к другой, а затем, сам не заметив как, оказался в следующем зале и там он увидел то, о чем ему говорил отец. Он увидел чудо.

Это нельзя было назвать картиной, это действительно было чудом. Самым прекрасным чудом, которое он, бедный мальчишка, видел за свои восемь лет.

Со стены прямо к нему, по волнам, приближалась прекрасная девушка. Она стояла на краю огромной раковины – нежная, грациозная, восхитительная. Первое, что поразило Лучано, были ее волосы – очень длинные, тяжелые, золотые. Локоны развевались на ветру, огибали ее фигуру и падали на грудь. У нее была мраморно– белая кожа, такая, какой Лучано никогда и ни у кого не видел. От кожи исходил свет. У девушки были тонкие брови, чуть тронутые румянцем щеки, розовые, правильной формы, губы. А потом Лучано увидел ее глаза: грустные, большие, светлокарие… Он сразу же понял, что она богиня: только у богини могли быть такие совершенные линии тела, такой изумительный поворот головы. Для себя Лучано решил, что она богиня красоты – небесной, чистой, юной, невозможной красоты.

Он стоял перед картиной, а та оживала в его сознании. Лучано слышал плеск волн, вдыхал соленый запах моря, смешанный со сладким запахом белых роз, ощущал освежающую прохладу воды, жмурился от золотого блеска волос, вглядывался в удивительно нежные, женственные черты лица богини, в ее грустные глаза, и ему так хотелось побыстрее вырасти для того, чтобы защитить ее, чтобы подарить ей все дары на свете, чтобы развеселить ее, и тогда, быть может, она улыбнется ему…

Прошло немало времени, прежде чем он заметил, что на картине нарисован кто-то еще. Сначала Лучано никак не мог сообразить, что общего у его богини с этими персонажами. Его раздражал надувающий щеки юноша, висящий в воздухе, он не понимал, зачем здесь девушка с покрывалом, стоящая на берегу моря. Но потом подумал, что художник специально нарисовал рядом с золотоволосой красавицей простых, обыкновенных людей для того, чтобы каждый мог почувствовать, что именно она – неземная, волшебная, притягивающая, – и есть настоящая богиня.

Он стоял так и мечтал, а затем Лучано увидел, как взрослые подходят ближе к картине и что-то читают. Он тоже решил подойти. На табличке было написано: «Боттичелли. Рождение Венеры».

– Венера, богиню зовут Венера, – проговорил вслух Лучано.

Он еще раз посмотрел на Венеру, стараясь запомнить ее, сохранить в своей памяти все, вплоть до самой мельчайшей черточки, до самого тонкого оттенка золота ее волос, он даже зажмурился на секунду… потом открыл глаза, повернулся и быстро вышел из зала.

Маленький Лучано очень внимательно осмотрел весь этаж. Многие картины ему понравились, какие-то заинтересовали, несколько полотен ему были совсем не понятны, но чуда он больше не встретил.

«Чудо должно быть одно», – сказал сам себе Лучано, и в этот момент увидел отца. Папа шел ему навстречу и улыбался широкой, открытой, счастливой улыбкой. И Лучано тоже стал улыбаться ему в ответ.

Это был удивительный день. Они вместе поднимались на колокольню Джотто и видели великолепный, величественный, темно-коричневый купол близко-близко. А внизу черепичные красные крыши, белые домики, ставни, террасы, узкие извилистые улицы, а сверху небо – голубое, чистое небо Флоренции. И почему-то Лучано казалось, что здесь другое небо, отличное от неба над его городом. Что оно только здесь, во Флоренции, создает белые, резные, удивительно красивые соборы. Что именно оно отделывает их квадратами белого, розового и зеленого мрамора, а внутри рисует строгие лица древних людей.

А после, уже дома, в родном городе, он часто-часто вспоминал богиню, шедшую к нему по волнам, колокольню Джотто и флорентийское небо.

Пять лет, пять счастливых лет подряд в свой день рождения он просил отца отвезти его во Флоренцию. И они вместе ехали на поезде, гуляли по мосту, на котором стоят дома. Он сбегал вниз по площади перед палаццо Питти. Лучано рассмотрел, наконец, все статуи

в лоджии Ланци, и каждый раз они ходили в галерею Уффици, где мальчик любовался на идущую к нему по волнам Венеру.

Так было пять лет, а потом… умер отец.

Лучано оторвался от своих мыслей и стал внимательно всматриваться в окно автобуса. Он очень не любил тот период своей жизни, после смерти отца, и старался не вспоминать то время.

Автобус остановился, и в него с шумом загрузилась большая компания юношей и девушек, которые громко разговаривали, смеялись, шутили. Лучано почувствовал, что его начинает раздражать весь этот гам. Он отвернулся к окну и незаметно для себя опять погрузился в воспоминания.

Венера… После того, как ему исполнилось 18 лет, он начал искать Венеру. Он не сразу стал отдавать себе в этом отчет, но спустя год ясно понял, что ему нравятся девушки только с рыжими волосами и светлой кожей. Он искал богиню… и это было трудно.

Он не гонялся за такими девушками специально, но когда замечал на улице золотоволосую представительницу прекрасного пола, всегда старался зайти вперед и посмотреть ей в глаза. И если девушка была молода и красива, а глаза у нее были светло-карими, Лучано считал, что происходит чудо. Но такие встречи были редки. И в тех немногих случаях, когда он видел «богиню», завязать с ней знакомство удавалось не всегда. Так, в поисках, проходил год за годом.

Лучано видел, что понравившиеся ему красавицы далеки от Венеры. Он понимал, что найти возлюбленную с золотыми волосами, изумительной фигурой и грустными глазами почти невозможно. Но, все-таки, у него были избранницы и с одной из них он прожил около года, но, к сожалению, у нее оказался несносный характер. Он долго мучался, но потом решился с ней расстаться.

После тридцати лет он сказал себе: «Все, хватит. Нельзя гоняться за богиней. Богини живут на небе, а не на земле» и спустя год сделал предложение своей темноволосой сотруднице, с хорошим спокойным характером и милой улыбкой. Все шло хорошо, уже был намечен день свадьбы, и сейчас, наверное, он был бы отцом семейства, если бы не одна встреча, изменившая все.

Спустя месяц после помолвки Лучано вместе с невестой решил зайти выпить по чашечке кофе в кафе «Греко». Если бы они зашли туда на полчаса раньше, то ничего бы не произошло. Если бы они не стали так долго изучать меню, а только выпили бы кофе и ушли, то жизнь его и дальше продолжала бы течь по размеренному, спокойному и… невыносимо-скучному руслу. Но случилось по-другому: Лучано с невестой сели за столик, долго выбирали, ждали заказ, потом неспешно пили восхитительно-крепкий, ароматный напиток и в этот самый миг в кафе зашла Она.

На этот раз это была действительно богиня – стройная, юная, прекрасная, с золотыми волосами, белой мраморной кожей и большими, грустными, светло– карими глазами. И Лучано забыл обо всем. Он поставил на блюдце крохотную чашечку, и мир вокруг него перестал существовать. Были только он и Венера…

О том, что, рядом с ним сидит его невеста, о том, что он помолвлен, он даже не вспомнил.

А богиня подошла к стойке бара, заказала что-то и грациозно села на высокий стул…

Дальше? Что было дальше?

Лучано не было стыдно перед невестой, когда она плакала при разрыве помолвки. Ему не было стыдно перед ее родителями. Мать Лучано перестала с ним разговаривать и это, правда, его немного удивило. Но, главное – была она.

Богиня сначала отвергла его ухаживания, когда он тут же, в кафе, подошел к ней и предложил познакомиться. Она с негодованием указала ему на то, что он не один, никак не соглашаясь ни назвать своего имени, ни дать ему свой телефон, а он, не слыша упреков бывшей невесты, был словно больной.

Только спустя месяц после их встречи в кафе «Греко», после того, как Лучано ходил за ней неуклонно по пятам, узнал ее адрес и телефон, она, наконец, согласилась пойти с ним вместе в кино.

Ее звали Марина, и у нее не было недостатков.

Иногда Лучано казалось, что Марина действительно родилась из морской пены, потому что она была другой. Совершенно другой.

Ей не нравилось ходить по магазинам, ее самой любимой одеждой были джинсы и свитер. Она была равнодушна к золоту и роскоши. Когда в начале ухаживаний Лучано задаривал ее цветами, она вежливо улыбалась, принимая от него огромные букеты, и ставила их в дальний угол комнаты. Потом Лучано принялся за украшения, но она быстро остановила его, наотрез отказавшись принимать в дар бриллиантовые сережки. «Это слишком дорого», – просто сказала она.

Она не любила много разговаривать, очень редко болтала по телефону. Лучано казалось, что она жила в каком-то своем, внутреннем мире. Через некоторое время он понял, что она больше всего любит кофе и книги.

Они стали жить вместе спустя три месяца после их знакомства, и еще около месяца Лучано не мог поверить, что это действительно с ним происходит. Он не сразу осознал, что можно быть настолько счастливым. Вскоре Марина, по его настойчивому совету, бросила работу и стала сидеть дома. А он?

А Лучано чувствовал себя королем, победителем, Александром Македонским, завоевавшим почти весь мир, потому, что она ему улыбалась, потому, что ее глаза перестали быть грустными. За последний год он сделал прорыв в карьере, он все успевал на работе, стал зарабатывать в два раза больше денег. И все это было для нее. Для нее, потому что ему безумно нравилось, как Марина хвалила его, когда он рассказывал ей о своих успехах. Лучано обожал ходить с ней в дорогие рестораны, покупать для нее старинные книги, делать ей постоянно маленькие подарки. Он свозил ее во Флоренцию и показал Венеру, с жаром доказывая, что она, Марина, и есть его богиня, и что она безумно похожа на красавицу с полотна Боттичелли. Но Марина не поверила ему. Она смеялась и говорила, что он все выдумал.

Для него она была идеалом, но, к сожалению, только для него. Никто из его друзей и знакомых не принимал Марину, потому что… она была русской. Мать не могла простить ему разорванной помолвки, а у его друзей почему-то, было предубеждение, что русские женщины не могут быть хорошими женами и что она, Марина, живет с ним только из-за корыстных интересов.

Это и сыграло с Лучано злую шутку.

Вчера, вернее уже позавчера, после работы у них была вечеринка. И все его друзья и сослуживцы в один голос твердили ему, что Марине нужны от него лишь деньги. Он выпил слишком много, выслушал большое количество нехороших слов о русских женщинах и о Марине, в частности. И самое худшее было то, что он, как полный кретин, поверил этим словам. Словам, сказанным кем-то из-за зависти к его быстрому продвижению по служебной лестнице, произнесенным из-за незнания, непонимания. Он поверил лжи, он поверил в то, что не было правдой.

Уже под утро, злой и раздраженный, Лучано пришел домой. Когда он открыл дверь, Марина, измотанная, с темными кругами под глазами, одетая в джинсы и футболку, вышла ему навстречу.

– Где ты был? – спросила она.

– У нас на работе была вечеринка, – зло буркнул он в ответ.

– Ты мог бы мне позвонить, я же волнуюсь! Я еще не ложилась спать, постоянно звонила тебе, но ты не отвечал.

Марина говорила с упреком, но спокойно. Она не кричала, нет, но его, отчего-то, понесло. Что пришло ему в голову в тот момент, из-за чего вылетели из его рта эти отвратительные фразы, сейчас он не мог понять. Но вчера рано утром он произнес ей в ответ:

– Почему ты волновалась? Тебе разве не все равно, что со мной будет? Тебе нужны только мои деньги, квартира, итальянское гражданство и машина. Ведь так? Ах да, я понял. Мы же еще не женаты, и пока тебе принадлежат лишь деньги, а ты ждешь всего остального.

Он увидел, как расширяются ее глаза, и, если бы тогда он не был настолько пьян, то почувствовал бы, что произнес огромную глупость. В тот миг еще можно было все поправить. Начни он просить прощения, скорее всего, она простила бы его. Но нет, он не понял ее взгляда. Он ничего не понял…

Марина ответила:

– Ты знаешь, я живу с тобой не ради денег.

Видно было, как она старалась сдерживать себя. Она пыталась его образумить, но он, подобно глупому упрямому ослу, продолжал:

– Нет, дорогая. Тебе нужны только мои деньги и гражданство. Ах да, еще и квартира. Если ты найдешь кого-нибудь побогаче, ты сразу уйдешь к нему.

Лучано повторял фразы, которые весь вечер твердили его знакомые, даже не понимая, что делает ей больно.

Марина ничего не сказала. Она отвернулась и ушла в дальнюю комнату, туда, где были ее книги.

А Лучано принял душ и лег спать. И когда он ложился, в его пьяной голове не проскочило и мысли, что эти слова сломают его жизнь.

Как он ругал себя после! Но было уже поздно.

А тогда он сразу же заснул крепким сном. Это было вчера в шесть часов утра. Ровно 24 часа назад.

Автобус ехал и ехал. Лучано смотрел в окно на начавшее сереть небо, на темные дома и улицы и чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Но тошно было не от количества выпитого, а от мерзких слов, произнесенных им самим всего лишь сутки назад.

Проснувшись около часа дня, он быстро пришел в себя и вспомнил весь ужас утреннего разговора. Торопливо натягивая джинсы, попутно подбирая слова извинения, он безумно желал только одного – хоть что-то поправить! Он почти вбежал в дальнюю комнату, но Марины там не оказалось. Тогда он начал обследовать квартиру. Как и прежде, в шкафу висела одежда Марины, стояли ее туфли, в коридоре лежала ее сумочка, которую они вместе недавно выбирали в дорогом магазине, но самой Марины не было нигде. А он даже не понял, что она ушла… ушла насовсем.

Он ходил по квартире и везде натыкался на ее вещи. Только когда во второй раз он зашел в ту комнату, где хранились ее книги, он обратил внимание на стол. На столе были аккуратно сложены деньги и несколько пластиковых карт, причем к каждой из них была приколота бумажка с написанным ПИН кодом, рядом лежали ключи от машины и квартиры и записка, на которой было написано лишь одно слово: «Прощай». И тогда Лучано понял, что все, это конец.

Он еще пытался что-то сделать, звонил, пробовал найти ее через знакомых, но безрезультатно – никто не знал где она, а ее телефон молчал. Потом Лучано стал разбирать Мари-

нины вещи. Как вскоре выяснилось, она забрала только свои документы, несколько самых необходимых предметов одежды и книги. Причем самые дорогие, подаренные им книги, стояли на своих местах. Марина взяла лишь те, с которыми приехала к нему. Ей действительно не нужны были его деньги, а он совершил подлый и низкий поступок.

«Я подлец!» – сказал сам себе в сотый раз Лучано. Но не это было самое страшное. Больше всего на свете он боялся потерять ее. И даже мысль о том, что возможно, он больше не увидит Марину… убивала. Как с этим можно жить дальше?!

Он не знал ответа.

Автобус подъехал к остановке и Лучано вышел из него. Глядя себе под ноги и продолжая ругать себя, он шагал куда-то, не сознавая ни направления, ни местности. И лишь спустя минут двадцать он очнулся, осмотрелся по сторонам, но понять, где находится, так и не смог. Отыскав название улицы, Лучано догадался – это другой конец города.

Он решил не ловить такси и направился домой пешком.

Он шел в дом, где еще жила частичка Марины, но ее самой уже не было, и самое ужасное, что в ее уходе был виноват только он, он один.

* * *

В девять часов утра Марина ехала в электричке, идущей в аэропорт Фьюмичино. Она перестала плакать, лишь продолжала немного всхлипывать от душившей ее обиды и заставляла себя не думать о том, что произошло. Марина вспоминала Россию, и больше всего ей хотелось увидеть снег.

«Я так соскучилась по снегу!» – говорила она сама себе. – «Сейчас конец ноября и у нас уже все белое. Это непередаваемо красиво, когда снежные, пушистые шапки везде – на домах, фонарях, деревьях, а вокруг бесконечно-длинное, сияющее покрывало, на котором лежат голубые тени деревьев. Глаза слепнут от яркой белизны и невольно устремляешь взор вверх, в небо, а там, на голубом фоне плывут золотые купола церквей.

Господи, как же это здорово, когда ветви облеплены снежными хлопьями, мороз рисует узоры на стеклах, а из труб идет дым и пахнет чем-то родным, далеким и близким. И в морозном воздухе слышны нежные, властные, мелодичные колокольные перезвоны…

Скоро будет Новый год! Как давно я не встречала Новый год в России!».

Марина мечтала, закрыв глаза, все полчаса поездки до аэропорта. Приехав, она сразу же направилась к авиакассам. Очереди не было, и Марина попросила у кассира билет в один конец до Москвы на сегодняшний день.

– Сегодня рейсов в Москву нет. Ближайший рейс будет через четыре дня, – ответила ей молоденькая девушка. – Вы будете брать билет?

Марина несколько секунд ошарашено смотрела в окно кассы – такого она себе почему-то не представляла, потом выдавила из себя:

– Нет, – и отошла.

Она пошла в кафе в аэропорту, взяла чашечку кофе и стала думать:

«Итак, подведем итоги. У меня нет денег, нет дома и, что делать дальше, я не знаю. Я хотела лететь домой, но нет билетов. Домой… Но там, в России ведь тоже дома уже нет. Бабушка умерла два года назад, в ее квартире живет мой родственник, который явно не жаждет меня видеть.»

Марина жила в Италии около семи лет, и за эти годы в России многое изменилось. Она уехала спустя некоторое время после перестройки и приезжала в Россию каждый год почти на все лето, поэтому хорошо знала, что было там, в ее стране.

Перестройка. Когда Марина слышала это слово, она невольно морщилась. Это слово стало ей противно.

Чтобы понять, что значит перестройка в России, надо вспомнить два утверждения. Утверждение первое: в Советском Союзе не было частной собственности и, как следствие, не было очень богатых людей. Да, были люди состоятельные, люди близкие к верхушке власти, которые владели имуществом, принадлежавшим государству, как своим собственным.

Утверждение второе: вещество не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда.

Вот в принципе и все.

Что было до перестройки? Огромная страна более-менее равных по материальному положению людей. Что стало? Некоторое количество миллиардеров, возглавляющих списки толстосумов планеты земля и… почти 80 процентов нищего населения страны.

Откуда же образовались несметные богатства этой маленькой группы безумно богатых господ?

Вспомним второе утверждение. Да, именно так, деньги не берутся из ниоткуда, они отбираются у 80 процентов населения России и присваиваются очень немногими влиятельными персонами. Они сделали это. Они, как и революционеры более 70 лет назад, поступили просто: отобрали и поделили.

Они сделали это без крови, и пресса твердит, что мы должны быть им за это благодарны. Но Марина никак не могла взять в толк, за что ей надо быть благодарной.

Она пыталась что-то понять, она читала книги, написанные этими самыми «новыми русскими» господами. Конечно, в книгах не было сказано правды. «Благодетели России», как теперь они сами себя считали, старательно описывали, как они много работали, сидели ночами. И еще, как-то вскользь, сказано что-то про акции. Ключевым словом были «акции». Большинство людей в многомиллионной стране работали на износ, но им, так же как и Мариниой бабушке, пашущей на трех работах, хватало полученной зарплаты только на то, чтобы не умереть с голода.

Акции – именно они стали путем к успеху этих баснословно богатых людей. Приватизация открыла им дорогу в золотое будущее: элитные квартиры, машины, яхты, заводы, девочки и снова по кругу – машины, яхты, квартиры.

Так почему же у них появилась возможность скупать акции пачками, вернее вопрос следует задать по-другому: отчего люди ринулись продавать те акции, которые им принадлежали?

По телевизору твердили, что акции могут принести доход и на них можно хорошо заработать, а большая часть россиян, вопреки заверениям властей, продолжала старательно избавляться от них. Отчего? Неужели русские настолько глупы?

Дело не в глупости. Причина в том, что жителям многомиллионной страны не на что было жить. Да, именно так, вот только об этом до сих пор стараются не вспоминать.

Сначала по всей стране закрывались заводы и фабрики, не выплачивалась зарплата, очень многие остались без работы. А потом за дело взялись «профессионалы приватизации». Были выпущены акции, которые в основном скупались мальчиками-мажорами – детками родителей из партийной элиты: у них-то денег было хоть отбавляй. Народ продавал акции, а они скупали и скупали их пачками. Продавали потому, что половине населения огромной страны надо было на что-то покупать продукты, растить детей, одевать и собирать их в школу.

Все гениальное просто, а новое – хорошее забытое старое. VIP персоны смогли сделать это: отобрать у миллионов и поделить между собой.

Что это было? Очень четкий расчет кучки сильных людей, приближенных к власти, или просто так получилось? «Хотели как лучше, а получилось как всегда», или «рассчитывали так, а получилось еще лучше»?

На этот вопрос вряд – ли жители России когда-нибудь услышат честный ответ. Даже вечный и незаменимый менеджер страны, который непосредственно принимал участие в этом дерьме, никогда не скажет правду, хотя прошло много времени и, вроде бы, все забылось.

С чем, в итоге, осталась Россия?

После нескольких лет так называемой перестройки не более 3 % населения страны оказались дико богатыми. Загородные виллы, ламборджини, модели с ногами, как железнодорожные пути – длинными и бесконечными; огромные и не очень корабли, вертолеты – все это просто цветочки. Этим трем процентам почему-то принадлежат практически все ресурсы нашей необъятной Родины. Да, отчего-то так получилось.

А остальные? Остальные 97 % населения России?

Не более 20 % населения смогли привыкнуть, открыть свой бизнес, в основном незаконный на первых порах, который со временем стал легальным.

Ну а 77 % России? Что с ними?

А они, эти 77 % населения шестой части суши, стали нищими. Просто нищими, вот так.

С годами стало чуть лучше – уже не ели просто голые макароны, как в годы перестройки, к макаронам стали покупать мясо. Можно было даже накопить денег и съездить на юг, например в Турцию. Вот только приходилось выбирать: или ехать в Турцию, или лечить, скажем, зубы – и то и другое по бюджету уже не проходило.

Но знаете, самое противное не это. К потери материальных благ русские уже привыкли, вернее, были приучены собственным государством. Обидно то, что воровство приватизаторов, их преступления против народа остались абсолютно безнаказанными. Разрушен механизм объективной, независимой оценки действий богатых людей. За деньги в новой России можно решить любую проблему. Построено новое государство – демократическое, вот только куда-то полностью ушли нравственные принципы, и начисто пропала честь.

С началом перестройки в тюрьме сидели только очень мелкие воры, а крупные занимались «бизнесом». Они нажали красную кнопку безнаказанности, коррупции, продажи всего и вся за деньги. Кнопка нажата. Сейчас что-то пытаются сделать, предпринять какие-то шаги, но все тщетно – коррупция только растет. Почему так происходит? Потому что никто из тех, кто воровал тогда у миллионов россиян, не наказан. И это запустило механизм: «Если ему можно, то почему мне нельзя»? Интересно, хоть у кого-то в России есть внятный ответ на этот вопрос?

А затем начался новый этап. Теперь, пользуясь подобострастием судебных инстанций перед властью, чиновники всех рангов и бизнесмены принялись решать свои насущные проблемы. Им можно все: в России нет такой структуры, которая может… нет, даже не осудить, а дать правдивую оценку их поступкам.

Правда… А когда в России слышали ее последний раз?

Ответ оглушительный – около… 100 лет назад.

Да, были мелкие, краткие потуги, бесконечно крошечные, с урезанной иногда до неузнаваемости правдой. И что самое удивительное, это положение вещей устраивает очень многих. Одним есть что скрывать, другим так не хочется думать и анализировать, куда уж лучше – на диван и смотреть в телевизор, а там все такое родное, знакомое, одинаковое изо дня в день заученное вранье.

«Народу хлеба и зрелищ, им и этого вполне достаточно», – и мы это съели с превеликим удовольствием.

– Да, как же хорошо и правильно, – отвечаем мы в ответ, видя, как «очень честный» чиновник на свою зарплату покупает дом на Рублевке, самолет и виллу у моря, как отпрыск «высокого человека», совершив убийство, остается безнаказанным, и как некоторые богатые люди, делая на благотворительности очередную пиар-акцию, предпочитают поскорее о

детях забыть, причем навсегда. А родители и дальше будут собирать по крохам на бешено дорогие лекарства, дети и дальше, увы, будут болеть и умирать, и ни одному чиновнику в России даже не придет мысль, что не надо никакой благотворительности, а надо так изменить законы, чтобы из бюджета оплачивалось полное лечение всех детей, потому как на покупку золотых кроватей для МВД в бюджете средства есть, а на детей, как всегда, нет. (Что Вы, там же свои, а тут… дети, причем чужие…).

Марина сидела и смотрела на взлетающие самолеты, и ей хотелось домой, хотелось в снег, туда, далеко-далеко за Альпы. Но там ее никто не ждал.

После смерти бабушки она не нужна там никому, совсем не нужна. Там остался ее единственный родственник Сергей, который сейчас жил в бабушкиной квартире и она ясно представила себе, как приедет в любимой город, как позвонит в до-боли знакомую дверь, как он откроет ей. Конечно, он будет расспрашивать ее о делах, а что она должна ему ответить? «У меня нет дома, нет работы, нет денег. У меня все это было, была еще и любовь, или, может быть, это только казалось любовью. Все было еще вчера, а сегодня, увы, этого уже ничего нет.»

И Марина очень четко увидела, как Сергей будет улыбаться, радуясь ее неудачам. Странно, но почему-то он всегда радовался, когда у нее случалось что-то плохое. А Марина не могла понять – отчего его это так веселит?

Сергей входил в число тех немногих, которые хорошо поднялись во времена перестройки. Он не был элитой, мелькающей в глянцевых журналах, но у него был свой бизнес, который приносил ему хороший доход. Он обязательно несколько раз в год ездил за границу, но почему-то из всех достопримечательностей больше всего интересовался дорогими ресторанами, пятизвездочными отелями и шикарными магазинами.

Всех знакомых он четко делил на три категории: те, у кого мало денег; люди, у которых денег примерно столько же, сколько у него самого; и господа, у которых очень много денег. Соответствующим было и его отношение к каждой категории: пренебрежительное, панибратское, и противно – заискивающее.

Что больше всего удивляло Марину, так это то, что ему было абсолютно все равно, о чем думает человек, образован он или нет, начитан ли он, заработаны его деньги честным трудом или просто у кого-то украдены, – это его вообще не интересовало. Главным для него было лишь количество денег.

С ней, с Мариной, он обращался очень пренебрежительно, цедя слова сквозь зубы. Ну конечно, она же принадлежала к «низшей категории». И Марина никак не могла понять: ну хорошо, а если вдруг у нее появятся в большом количестве эти вожделенные бумажки, что тогда? Она же все– равно будет той самой Мариной. Она будет так же думать, так же говорить, ведь ничего в ней самой не изменится, а у ее родственника будет к ней абсолютно другое отношение. Почему так?

Просто, Сережа принадлежал к классу «кожаных сиденьев в личном автомобиле». Марина сама придумала это определение, не раз становясь свидетелем того, с каким благоговением он относится к кожаным сиденьям в своем авто (не многие из его близких были удостоены такого же почтения).

Класс «кожаных сиденьев» не такой уж и малочисленный, он есть не только в России, но и во всем мире, а их отличительной особенностью является отношение к людям – исключительно по количеству денег. Они не интересуются живописью, скульптурой, архитектурой, книгами или чем-то еще, – это лишнее. Представителям этого класса намного более приятно провести вечер в очередном дорогом ресторане или в еще более дорогом магазине. И главное, что отличает этих людей, у них есть любимая фраза, вернее, вопрос: «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?»

Марина так часто слышала от них эти слова, что стала думать – это их своеобразный девиз. И слова эти Марине очень не нравилась.

Нет, если не вдумываться, то кажется, что все нормально. В этом есть своя логика. Смысл очень прост – ты должен много зарабатывать, а если у тебя мало денег, то ты глупец. Что же в этом плохого?

В принципе, ничего. Вот только закройте теперь глаза и представьте наш мир без картин Ван Гога, который, увы, не сумел продать за всю свою жизнь ни одного полотна и умер в нищете.

Без фресок Микеланджело, которому постоянно забывали заплатить; без стихов Пушкина, без яркого таланта Марины Цветаевой, без рассказов Бунина, Куприна, без картин Ренуара, Модильяни, Рембрандта, Моне… без всего самого прекрасного, вдохновляющего, вечного.

Ну как, Вам нравится такой мир? Мир, в котором любовь и творчество заменены металлом, в котором правит прибыль, а не полет фантазии, в котором просчитывается заработок и нет места самопожертвованию, полной отдачи, безвозмездного дара таланта, внутренней красоты; когда желание сделать что-то запоминающееся, прекрасное, восхитительное, что-то такое, о чем будут думать другие, отодвигается на второй план, а на первом лишь выгода?

Духовное нельзя измерить количеством золота.

Марина сидела в кафе аэропорта Фьюмичино, думала и рассуждала про себя. Поток мыслей отвлекал ее от сегодняшней боли, от обиды, из-за которой так болело и сжималось в груди. И Марина ясно поняла, что ей нельзя в Россию: ее там никто не ждет.

Полететь домой было ее первым, необдуманным порывом. Но она не может вернуться «на щите». Она не хочет приезжать побежденной, не хочет, чтобы Сергей радовался ее неудачам, и это была не ее прихоть, в этом была ее гордость. Не гордыня, а именно гордость.

«Перестань раскисать», – строго сказала она сама себе. – «Надо бороться. Ты должна бороться».

Марина поднялась, повесила не плечо единственную небольшую сумку и вышла из здания аэропорта.

Всю обратную дорогу до вокзала Термини она проспала – ночью ей удалось заснуть лишь на полчаса, потом она ждала Лучано, а потом…. дальше было все плохо.

На вокзале опять кофе, опять взгляд сквозь большие окна, теперь уже на улицы Рима.

«Что мне делать? Куда идти? Где ночевать? На что жить?» – снова и снова Марина задавала себе эти вопросы. Когда она начинала думать о Лучано, слезы невольно подступали к глазам, и Марина поднимала голову к потолку, пытаясь загнать эту дурацкую соленую влагу обратно.

«Надо искать работу», – решила она, включила телефон и начала обзванивать знакомых и друзей. Ничего не значащие дежурные фразы, вопрос: «Как дела?», а ответ уже никого не интересовал. Когда Марина спрашивала о работе, все отвечали, что работы нет, у некоторых тут же находилось множество неотложных дел, заставляющих спешно вешать трубку телефона, кто-то просто предлагал перезвонить через месяц, другой. На что, интересно, она будет жить месяц? И слезы опять подступали к глазам.

«Все, хватит», – не выдержав, сказала себе Марина.

Она отключила телефон, сдала сумку в камеру хранения и вышла на улицу.

Пройдя до собора Санта-Мария Маджоре, она немного успокоилась.

«Не мне одной трудно, у многих людей бывают трудности», – твердила она про себя. – «У некоторых они гораздо больше, чем у меня. Главное не сдаваться… Точно, не сдаваться!» – теперь Марина знала, куда ей следует идти.

В Вечном городе жило много великих художников, но среди них был один, единственный, который не только сам старался никогда не сдаваться, но во все свои произведения он вкладывал столько силы духа, что эта сила завораживала, заставляла бороться, сопротивляться обстоятельствам до последнего вздоха. В его работах не было полутонов, у него никогда не было слюнтяйства, жеманности, слабости – вместо этого – прекрасные мускулистые тела, огненные взгляды, сила, страсть, борьба, страдания, смерть.

Сейчас Марина шла туда, где были лучшие произведения великого мастера, наиболее яркие, экспрессивные, динамичные, многофигурные. И его самая прекрасная и самая языческая фреска находилась в центре самого маленького и набожного государства планеты – Ватикана.

Он сотворил в Сикстинской капелле два гениальных произведения, и какое из них лучше, не скажет никто.

Спустя час Марина, запрокинув голову, рассматривала потолок Сикстинской капеллы и видела архитектурные карнизы, колонны, поддерживаемые мальчиками, орнамент люнет, вырезанный из камня, мраморные кресла, на которых восседали сивиллы и пророки, и в который раз она не могла поверить, что это все нарисовано. Марина в восхищении всматривалась в безупречно выстроенные композиции: парящего в воздухе Саваофа, возлежащего прекрасного Адама, в сжавшуюся, сгорбленную, уходящую Еву. Она видела испуганные лица людей во время потопа, видела смерть, беззащитных, молящих о помощи детей; опьяненного старого Ноя и его молодых сильных сыновей. Она смотрела на огромные мускулистые руки и сморщенное старое лицо Кумской Сивиллы, на вопрошающий порыв пророка Иезекиля, на красоту Дельфийской сивиллы и задумчивую печаль Иеримии, и, конечно же, на бесподобный, притягивающе – женственный свод ноги Ливийской Сивиллы.

Это сейчас Марина понимала, что великим Микеланджело Буонарроти не упущена ни одна деталь, что им выверено досконально все: расположение фигур, выражения их лиц, позы, наряды, целостность и динамика композиции, цветовые сочетания и пропорции. Это сейчас. А тогда для Микеланджело все было по-другому.

В 1506 году в Рим одна за другой поступали партии мрамора из Каррары. Огромные лодки доставляли мрамор по Тибру, затем рабочие разгружали и перевозили столбы к площади св. Петра.

Шел дождь, палило солнце, а партии все прибывали и прибывали, и вскоре площадь наполовину была завалена глыбами мрамора.

Прохожие посмеивались:

– Ты слышал, этому флорентинцу Буонарроти нечем платить рабочим и лодочникам? Папа отказался выдать ему деньги.

– Подожди, а разве Папа не оплатил ему за мрамор?

– Нет, его святейшество велел выдать флорентинцу лишь задаток. И представляешь, тот бросился в Каррару заготавливать все эти кучи, а потом Папа передумал и сказал, что не выдаст ему больше ни сольди.

Прохожие проходили мимо, а Микеланджело еще предстояло из собственного кармана, вернее, из денег, взятых им в долг, оплатить работу лодочников, каменотесов, рабочих…

Этот мрамор предназначался для гробницы – грандиозной, роскошной, которой предстояло затмить все существующие на тот момент в мире подобные сооружения. Был подписан договор, заплачен задаток, и гений Микеланджело был уже одержим идеей. Буонарроти восемь месяцев провел на каменоломнях в Карраре, заготавливая мрамор, в его голове зрели прекрасные скульптурные композиции, которые были пока перенесены на бумагу в форме эскизов и зарисовок. Уже из камня стали появляться очертания первой скульптуры для гроб-

ницы, и Микеланджело радовался, как ребенок, все еще поступающим в Рим новым партиям мрамора и, увы, слишком поздно обратил внимание на переменившееся настроение Юлия II.

Буонарроти умел работать, делать гениальные скульптуры, и ему казалось, что этого достаточно. Он не хотел и не умел льстить, строить козни, плести интриги и нашептывать что-то Папе. Но это с огромным успехом делали другие и, в том числе, завистники его таланта.

Юлия II уже давно не занимала гробница, он увлекся еще более грандиозным замыслом – перестройкой собора Святого Петра по проекту архитектора Браманте, чьи настойчивые советы заставили Его Святейшество изменить свое прежнее решение.

Это был крах Микеланджело – потеряно драгоценное время и деньги, разбиты мечты, растоптаны честолюбивые планы.

Пришлось влезть в долги, чтобы оплатить из своего кармана привезенный мрамор по 50 дукатов золотом за глыбу. И для того, чтобы не была растоптана еще и его гордость, Буонарроти покидает Рим накануне дня закладки первого камня Собора Святого Петра.

Микеланджело уехал в любимую Флоренцию, но Джулиано делла Ровере никогда не стал бы папой, если бы не был так хитер. Он прекрасно понимает, что не стоит разбрасываться выдающимися скульпторами, поэтому держит Микеланджело на коротком поводке: Буонарроти получает новый заказ в Болонье, а спустя почти два года, в 1508 году, Его Святейшество вызывает Микеланджело в Рим и поручает ему расписать потолок Сикстинской капеллы.

Микеланджело 33 года, он полон творческих идей и прекрасно понимает всю змеиную подоплеку расчета Браманте. Дело в том, что Буонарроти занимался фресковой росписью очень давно, еще будучи желторотым юнцом, на посылках у Гирландайо. Он плохо знает эту технику, не любит ее и мечтает только о мраморе, а теперь, против его воли, ему поручили расписать ни много ни мало 600 квадратных метров потолка капеллы, стены которой украшали лучшие художники Италии: Роселли, Боттичелли, Перуджино, Синьорелли и его первый учитель Гирландайо.

Папа непреклонен – Микеланджело должен расписать потолок. А в соседнем зале трудится Рафаэль над «Афинской школой».

Браманте потирает руки…

Это провал? Для любого другого, но только не для Микеланджело.

Микеланджело берет несколько уроков фресковой росписи, приглашает помощников, а потом… стирает начатое, всех прогоняет и работает один. Он отказывается от первоначального замысла об орнаменте и двенадцати фигурах апостолов, доверяет подмастерьям расписывать лишь фон и некоторые архитектурные детали, а сам на высоких лесах, под потолком, на износ, забыв обо всем, работает… 4 года.

Я нажил зоб усердьем и трудом
(Такою хворью от воды стоячей
В Ломбардии страдает род кошачий):
Мой подбородок сросся с животом.

Лежу я на лесах под потолком,
От краски брызжущей почти незрячий;
Как гарпия, на жердочке висячей —
Макушка вниз, а борода торчком.

Бока сдавили брюхо с потрохами.
Пошевелить ногами не могу —

Противовесом зад на шатком ложе,

И несподручно мне водить кистями.
Я согнут, как сирийский лук, в дугу:
С натуги вздулись волдыри на коже.

Быть скрюченным негоже.
Как цель развить, когда рука крива?
Не ко двору я здесь – молва права,

И живопись мертва.
Тлетворен дух для фресок в Ватикане.
Спаси от злопыхателей, Джованни![1]

Это стихотворение написал сам Микеланджело, когда на его фреске проступила плесень. Тогда он в отчаянии бросился к папе, прося освободить его от этой работы, но папа велел продолжать. Плесень ушла сама, когда помещение как следует просушили, а Буонарроти опять принялся за фреску. И Микеланджело победил.

Он создал такую роспись, которую не просто никто и никогда не создавал в то время, об этом никто даже и не мечтал. До Микеланджело это казалось невозможным. Как скромно написал сам Микеланджело: «Папа остался очень доволен..». Доволен остался не только папа. Рафаэль, взяв за основу образы Микеланджело, расписывает церковь Санта-Мария дела Паче, Караваджо почти копирует его Иезекиля, а флорентинец как обычно ждет, что ему все-таки выплатят деньги. Папа оплатил – целых 3 ООО дукатов, при этом больше половины Микеланджело потратил на краски.

Прошло 24 года, и он опять в той же Сикстинской капелле, и опять перед ним труднейшая задача: сделать фреску на алтарной стене. Микеланджело уже 60 лет, и у него очень сильный соперник – он сам, но моложе почти на четверть века.

24 года – не малый срок в жизни человека, да и целой страны. Это немалый срок при спокойном течении событий, но прошедшие 24 года с 1512 по 1536 перевернули все не только в жизни великого флорентинца, но и в судьбе его Родины.

Многое отдал бы сейчас Буонарроти, чтобы так же, как тогда, гениальный архитектор Браманте нашептывал что-то на ухо папе, Леонардо писал в соперничестве с ним свою «Битву при Ангиари» в зале заседаний Синьории во Флоренции, а приласканный фортуной Рафаэль расписывал комнаты Ватикана и, главное, чтобы его Италия была свободна. Но уже не осталось в живых его соперников: умер пожилой Браманте, скончался во Франции Леонардо, в Риме умер молодой Рафаэль, но самое страшное было то, что в его стране теперь царили испанцы – свободной Италии больше не было.

Давно север Италии раздирали войны: сначала французы против испанцев, потом уже папа, Венеция, Генуя, Флоренция и герцог Миланский объединились вместе с Францией в Коньякскую лигу в надежде одолеть Испанию, но проиграли.

15 марта 1527 года в Болонье подписано соглашение, в котором Папа объявил о роспуске Лиги, неудачно сражавшейся с императором Карлом V. В соответствии с соглашением король Испании и император отдает приказ своим войскам вернуться за Альпы, но…

Вот в этот момент вся Италия содрогнулась, потому как увидела своими глазами весь ужас превращения человеческого в животное. В один миг воины превратились в жестокое, низкое, никому не подвластное стадо. 12 тысяч немецких ландскнехтов не захотели подчи-

[1] Перевод с итальянского Александра Махова

няться приказу Императора, они не стали возвращаться домой, потому что им нужны деньги, много денег, и не в виде скудного жалованья. Им нужна добыча. Добыча, отобранная у униженных и убитых, украденная. Для них было важно лишь то, чтобы добычи было много. Эта банда солдат, к которой, впрочем, примкнули некоторые французы и итальянцы, проходит Романью и Тоскану. Не сопротивлялся почти никто, и только Флоренция, лежавшая на их пути, приготовилась к осаде. Но наемные солдаты не захотели воевать – им нужны деньги, а не сражения. Они обошли Флоренцию и устремились дальше, оставляя после себя разоренные города, убитых мирных жителей, и 5 мая 1527 года, под предводительством коннетабля Бурбона, они оказываются под стенами беззащитного Рима.

Разве мог Микеланджело, расписывая свод Сикстинской капеллы в Риме, представить, что 16 лет спустя безжалостные полчища будут убивать, насиловать, издеваться над жителями священного города, разорять церкви и дворцы, тащить все, что можно унести и грабить, грабить, грабить? Разве мог он предположить, что 4 тысячи убитых будут лежать на улицах, что во всем Риме и его окрестностях из съестного останутся лишь крысы и собаки, а глава церкви, его святейшество Папа Римский Климент VII, будет прятаться от ландскнехтов за стенами замка Святого Ангела и питаться травой, собираемой им во рвах Ватикана?

Бесчинства продолжались до декабря, и лишь в декабре папа возобновил переговоры с Карлом V, отказавшись в пользу императора от Пьяченцы, Пармы, Модены.

Но среди общего ужаса, разорения, бедствия, оставалась гордая и свободная Флоренция. Когда весть о капитуляции папы дошла до Флоренции, флорентинцы изгнали нелюбимых, незаконнорожденных потомков Медичи, управляющих городом.

«Да здравствует возрожденная республика! Да здравствует свобода! Смерть тиранам!» – так кричали на улицах Флоренции.

Микеланджело делает свой выбор, выбор продуманный, выбор сердца – он выбирает не карьеру придворного живописца, а свободу. В то время как многие покидают Флоренцию и устремляются в Рим для того, чтобы доказать верность папе из рода Медичи, Буонарроти остается в родном городе, среди таких же горячих сердец и светящихся глаз, среди друзей, и у всех на устах одно слово: «Свобода!».

Они мечтают о Флоренции – Республике, и они готовы сделать все для осуществления своей мечты.

Микеланджело избран в Совет Десяти города и назначен governatore generale всех фортификаций. Он конструирует, разрабатывает, делает укрепления.

А после началась осада Флоренции войсками испанцев и папы, который, несмотря на свое полное унижение, свой голод и страх в осажденном Риме, заключил союз с бандами, грабившими Вечный город.

Сначала осажденные говорили: «Нищие, но свободные», а потом, когда во Флоренцию сотнями стали прибывать беженцы из окрестных селений и городов, когда нечего стало есть: «Голодные, но свободные». После началась чума, умерло 30 тысяч человек, но флорентинцы держались: «Больные, но свободные». Одиннадцать месяцев осады Флоренции и…свободы не стало.

Казнят и убивают лучших друзей Микеланджело, преследуют членов семей его знакомых, но сам он помилован. Папа согласился забыть участие талантливого мастера в обороне города, но при одном условии – если Микеланджело закончит работу в капелле Медичи. И Буонарроти окунулся в работу: вырвать из памяти мечты о республике, отогнать мрачные мысли, не думать об утраченной свободе.

Работа, заказы, переписка, гениальные творения и лишь в краткие мгновения – непреходящее ощущение, что с тебя сдирают кожу. Сдирают, когда приходится выполнять заказ для Климента VII, который не только заключил союз с испанцами, но и короновал императора Карла V немецкой и итальянской коронами и отобрал свободу его самой дорогой Фло-

ренции. Сдирают, когда Микеланджело делает Аполлона для «охотника за головами» Баччо Валори; сдирают, когда он во время расправы над друзьями, которые рядом с ним защищали свободу Флоренции, отрекался от них ради жизни своих близких.

Судьба била Микеланджело много раз, и он так же, как Петр от Христа, вынужден был предавать трижды. Последний раз слова: «Нет, я не знаю его», он произнес, вернее, написал уже в 1548 году, когда уже Козимо I Медичи издал указ, направленный не только против заговорщиков, враждебных власти Медичи, но и против их потомков. И Микеланджело, в испуге за своих родственников, открещивается от дружбы с Роберто Строцци.

Буонарроти работает в Сикстинской капелле с 1536 по 1542 год и пишет… вихрь. Пронизывающий голубой цвет, на котором закручиваются в ужасно-страшном, жестоком водовороте множество сильных обнаженных тел. Испуганные, умоляющие глаза безрезультатно ищут спасения, злые демоны отталкивающе неприятны, и здесь правит один единственный Бог. И это не Страшный суд, это жизнь. Жизнь его, Микеланджело, и его страны за эти 24 года.

Это слезы горя по родной Флоренции и убитым друзьям, отдавшим жизнь за свободу; это нечеловеческие страдания, постоянный страх за родных, необходимость прятать свои мысли и чувства. И весь напор этой боли, который сидит внутри защитника свободы Микеланджело, прорывается наружу в «Страшном суде» Сикстинской капеллы.

Милости больше нет. Есть ли справедливость? Вряд ли. Мария никому помочь не в силах, она беспомощно отворачивается, и лишь поднятая, карающая рука ее сына и Бога правит этим вихрем, сжавшихся в ужасе людей, где ангелы не имеют крыльев, у святых нет нимбов, а демоны так похожи на людей. И слева от грозного Христа согнутый Варфоломей в руке держит кожу, на которой отчетливо видно искривленное болью лицо Микеланджело Буонарроти…

Спирали, спирали. Спирали огромной лестницы собора Святого Петра, спирали судьбы Микеланджело.

40 лет Буонарроти отдал гробнице Юлия II. Грандиозный замысел о величайшем и прекраснейшем надгробном сооружении всех времен и народов воплотился после нескольких изменений, в произведение, явно не соответствующее гению Микеланджело.

40 лет были потрачены им на судебные разбирательства, борьбу с очень влиятельными и беспощадными врагами и отстаивание своего честного имени. Микеланджело обвиняли в том, что он получил от Юлий II 8000 дукатов, отдал их в рост и разбогател на этом. Всю эту гнусную клевету великий мастер переживал очень болезненно.

И все-таки никто, хоть раз побывавший в Риме, не сможет забыть, нет, не саму гробницу Юлия II, а одну статую, входящую в нее. Статую пророка Моисея.

Только у Моисея такой взгляд: горящий, пронзающий, заставляющий чаще биться сердце. Взгляд гнева, взгляд истины, взгляд, который заслужили люди со времен исхода евреев из Египта.

А что изменилось с того времени? Пороков стало меньше? Нет.

Люди перестали поклоняться золотому тельцу? Да нет же, они поклоняются ему с удесятеренной энергией. Может быть, мы стали чище, добрее, терпимее, стали больше любить? Вряд ли. Люди сменили одежды, дома, обзавелись железными лошадьми, но внутри мы остались такими же. Мы хотим, чтобы любили нас, но сами, зачастую, забываем любить; мы хотим счастья, богатства, здоровья и при этом злословим, обижаемся, завидуем. Что может изменить людей, вернее кто? Ответ был дан – Христос. А если он придет вновь, сможем ли мы разглядеть истину? Увидим ли мы свет любви? Или, опять, как тогда… на крест?

Боюсь, и сейчас нам нечего ответить Моисею. Мы опускаем глаза, нам стыдно, но он, Моисей Микеланджело, сотворенный из мрамора, оживший, гневный, требовательный, он заставил нас посмотреть внутрь себя и это очень много.

«Пьета», «Давид», «Вакх», «Брут», капелла Медичи и библиотека в Сан-Лоренцо, четырехфигурная «Пьета», роспись в Сикстинской капелле; «Рабы», так и не вошедшие в гробницу Юлия; картины, фрески в капелле Паолина; архитектурные проекты – гениально все. Мы, как и поколения людей на протяжении почти половины тысячелетия, смотрим, затаив дыхание, удивляемся жизненной силе и любви Микеланджело, отданные им мрамору и краске, и возвратившимся к нам живым, светящимся, поражающим прямо в сердце потоком красоты. Мы восхищаемся его талантом и как часто забываем, каким огромным трудом, каким потом все эти произведения достались Микеланджело Буонарроти.

Когда Микеланджело было уже 70, его назначили главным архитектором Папы и он возглавил строительство Собора Святого Петра в Риме. Того самого, при закладке первого камня которого 40 лет назад он сбежал во Флоренцию. Прошло 40 лет, и Микеланджело ревностно отстаивает именно первоначальный архитектурный замысел собора, проект своего давнего соперника – Браманте. Буонарроти не вспомнил о прежних, нанесенных ему обидах, потому что для него главное то, чтобы Собор получился благородным, величавым, гармоничным, именно таким, каким его когда-то задумал Браманте. Но уже в который раз, помимо огромной работы, на Микеланджело обрушиваются бесконечные препирательства на стройке, обвинения, сплетни, зависть, судебные тяжбы и, что более всего его огорчает, – разочарование в людях.

…Уж чую смерть, хоть и не зная срока,
Я вижу: жизнь все убыстряет шаг,
Но телу еще жалко плотских благ,
Душе же смерть желаннее порока.

Мир – в слепоте: постыдного урока
Из власти зла не извлекает зрак,
Надежды нет, и все объемлет мрак,
И ложь царит, и правда прячет око…[2]

Микеланджело отказался от жалованья главного архитектора. Он первый и единственный, и он не может по-другому, потому что всеми своими силами, увы, уже немногими, он мечтает достроить этот храм (в отличие от нескольких предыдущих архитекторов, занимавшихся, в основном затягиванием строительных работ для сокрытия средств). Микеланджело немного не хватило времени – купол был достроен уже после его смерти.

Великий маэстро архитектуры, скульптуры и живописи прожил долгую жизнь, он умер в возрасте 89 лет.

Последние 30 лет своей жизни Буонарроти провел в Риме, скучая по родной Флоренции. Он тосковал по свободе и по республике, борясь за нее всеми доступными ему средствами. В одном своем письме он просит передать французскому королю Франциску I, что если Его Величество восстановит свободу Флоренции, он, Микеланджело, на собственные средства поставит ему бронзовую статую на площади Синьории. И как же это наивно, но зато насколько искренне и от всего его большого, любящего сердца! А что он мог еще? Он, величайший скульптор мира, признанный художник, как он мог еще бороться за свободу своего самого любимого города?

Ему нельзя было на свою Родину, ему, защитнику восставшей против Медичи Флорентийской республики, было опасно возвращаться. И все-таки Микеланджело вернулся туда.

[2] Стихи Микеланджело. Перевод А.М.Эфроса

Вернулся торжественно, с почестями, в соответствии с его желанием, но вернулся… мертвым. Он похоронен в Соборе Санта-Кроче во Флоренции.

Марина, раздумывая, входит в собор Святого Петра. «Ах, да, надо загадать желание», – говорит она сама себе и встает в очередь вслед за теми, кто хочет дотронуться до полустертой ступни статуи сидящего Петра. Желание загадано, а дальше путь лежит на площадь и в район Trastevere – там можно недорого и хорошо пообедать.

Ей стало лучше – прошли боль и обида. Надо действовать. Марина снова прокручивает в голове всех знакомых и вспоминает еще несколько человек, телефонов которых у нее нет, но их можно достать.

И, уже сидя в траттории, она опять начинает обзванивать своих приятелей. Не обращая никакого внимания на 43 пропущенных вызова от Лучано, она методично принимается за работу. Ей повезло на пятом звонке, когда она дозвонилась до парня, который тоже был родом из России. С Сашей (именно так звали ее друга) Марина дружила в университете. Хотя он учился на другом направлении, они несколько лет близко общались и передавали друг через друга подарки домой. Саша, так же как и Марина, два года назад окончил обучение, после этого еще год они созванивались и изредка встречались, но потом он совсем пропал.

Трубку Саша взял сразу и тотчас узнал ее:

– А, Маринка, привет, какими судьбами? Как нашла мой номер?

– Номер Джулианно дал. А ты где сейчас, чем занимаешься?

– Я пока в Риме. Давай, не тяни, говори, что надо?

Марине это понравилось. Ей жутко надоел этот заученный вопрос: «Как дела?», на который она никак не могла дать нужный ответ. И поэтому она обрадовано выпалила:

– Ты знаешь, Саш, мне позарез, срочно, нужна работа. В принципе, – любая. Подумай, может, у тебя что-то есть на примете? Может быть, не у тебя, так у твоих знакомых?

И тут произошло чудо, или, скорее всего, Святой Петр так быстро исполнил ее желание.

В трубку телефона Саша радостно ответил:

– О, старушка, тебе дико повезло. Мне как раз нужен человечек.

Марина чуть не выронила трубку от счастья. Похлопав немного ртом и, смахнув неизвестно откуда упавшую слезинку, она быстро заговорила, боясь, что Саша передумает:

– Ой, как здорово. Ты меня просто спас. Слушай, ты где находишься? Давай я к тебе приеду, и мы все обсудим?

– Да Маринка, видно плохи твои дела. А ты – то сейчас где?

– На via della Lungara. В траттории. Знаешь, такая маленькая перед самым мостом.

– Я все понял. Я, кстати, сейчас близко от тебя. Сиди и жуй. Я буду там через 10 минут, – сказал он и повесил трубку.

Марина чуть не запрыгала от радости. В этот самый момент Лучано все-таки удалось до нее дозвониться. Марина недоуменно посмотрела на такой близкий номер и отключила телефон. Потом она заказала себе пасту и бокал вина и с удовольствием пообедала. А через 10 минут в траттории появился Саша.

– Ты все хорошеешь, старушка, – поприветствовал он Марину, крепко обняв ее за плечи.

– А ты стал совсем другой, – ответила Марина, разглядывая его.

Сначала она не могла понять, что же в нем так сильно изменилось. То же родное и близкое лицо, и все же, стоящий перед ней молодой человек совершенно не походил на того Сашу, которого она знала по университету… И тут Марина догадалась в чем дело – ее друг был шикарно одет. Пять лет назад, когда они вместе учились, Сашка всегда носил потертые джинсы и единственную клетчатую рубашку, которую, как казалось Марине, не снимал

никогда. Он экономил каждый цент, ходил постоянно пешком и ел только самую дешевую еду. Сейчас перед ней стоял элегантно одетый мужчина, в шикарном пальто, ухоженный и источающий очень приятный аромат. У Марины невольно вырвалось:

– Ну ты и франт стал, Сашка.

Тот самодовольно улыбнулся и сел к ней за столик.

– Ну, рассказывай, где ты сейчас, кем работаешь, что за место, – стала расспрашивать Марина.

– Я археолог, сейчас занят на раскопках, – с улыбкой ответил Сашка.

Марина очень удивилась. То, что он был археологом, Марина, конечно, знала, но никогда не подозревала, что им так хорошо платят. Поймав на себе удивленный взгляд Марины, Саша стал объяснять:

– Это я в Риме так одеваюсь. Там, на раскопках, сама понимаешь, хожу черт знает в чем.

Про деньги Марине было спрашивать неудобно, поэтому она стала задавать вопросы о его работе:

– А что за раскопки, где это? И какая работа для меня? Не тяни.

– Раскопки в Италии и, кстати, очень интересные. Ты знаешь, кто такие этруски?

Марина начала вспоминать:

– Мм… Это древний народ Италии, как, скажем, латины и сабины. Да?

– Твое определение очень ограниченно, но в целом правильное. А еще что-то помнишь о них?

– Нет. Я никогда не интересовалась Древней Италией.

– Очень и очень зря. Слушай, Маринка, это действительно интересно.

Марине всегда безумно нравилось Сашино умение рассказывать.

Он говорил так воодушевленно и заразительно, что хотелось, бросив все, бежать за ним куда угодно, хоть на край света. И к тому же, Саша был настоящим эрудитом.

– Этруски…, – продолжал Саша, – если коротко охарактеризовать этих древних жителей Италии, то получится одно слово: загадка. У них непонятно все. Во-первых, непонятно их происхождение. Большинство историков сходятся на том, что они пришли из Ливии, то-есть с Востока. Но сами себя они называли, внимание…. расенны.

Марина не смогла сдержать вздох изумления:

– Так расенны, это же русские.

– Вот именно. И наши, кстати, ухватились за это. И с пеной у рта стали доказывать, что этруски имеют русские корни. Но доказательств у них раз два и обчелся, вернее сказать, все очень надуманно, кроме одного – названия народа, а это, как ты понимаешь, слабый довод. Называли они себя расеннами по имени какого-то своего вождя. Второе – письменность. Не удивляйся, но этруски единственные, чья письменность нам неизвестна. Вернее, мы знаем их алфавит, можем читать, но что означают слова, никто не может понять.

– Саш, подожди, а тексты-то от них остались?

– Тексты остались. Их не так много и среди них, например, «Льняная книга», или еще ее называют книгой «Загребской мумии».

– Почему мумии?

– Да потому, что в эту книгу была обернута мумия. В 1850 году один офицер приобрел в Египте мумию. Позже эту мумию передали в Загребский музей, а потом ученые обнаружили, что она обмотана льняной тканью, бесспорно египетской, но надписи на ткани сделаны на этрусском языке. Как тебе, а?

– Да, есть над чем подумать.

– А вот еще: на острове Лемнос была обнаружена стела – надгробный памятник с изображением воина и, вроде бы, ничего странного. Но язык, на котором сделана надпись на стеле, не является ни греческим, ни древним европейским языком. Так вот, было доказано,

что эта надпись была сделана на языке, родственном этрусскому, и что этот язык был распространен на Лемносе и являлся разговорным.

Конечно, значение некоторых этрусских слов удалось расшифровать, но только немногих.

Следующей загадкой является их градостроительство и искусство. Города этруски строили по строго определенному плану. Улицы у них располагались перпендикулярно, а главные из них были большими даже по сегодняшним меркам – их ширина достигала 15 метров. Этруски считали, что земная жизнь явление временное, а все вечное и значимое начинается только после смерти. Поэтому они строили дома из непрочных материалов, а гробницы вырубали в скале или делали из каменных плит. Их гробницы – это чудо. Какие там росписи на стенах! Краски яркие, сочные. Представь, красных и голубых лошадей, синие и оранжевые листья, алые тоги с золотым орнаментом, коричневые тела борцов, желтых и зеленых птиц. На фресках прекрасно изображены пиры, где рабы прислуживают хозяевам, а столы ломятся от яств; мчащиеся колесницы; танцоры, которые показаны в самый разгар пляски, и, конечно же, битвы. У этрусков очень много изображений на сюжеты из Гомеровской Илиады, но вместе с тем часто встречаются какие-то сказочные существа: что-то наподобие сфинкса, но с телом лошади на длинных ногах.

А как этруски изображали людей, ты бы видела! Это море динамики, переживаний, экспрессии, чувств, – у них нет статики. Все самое лучшее в скульптуре: выразительность лиц, передачу настроения, характеров, римляне взяли от этрусков. Но более всего восхищает мастерство этрусских ювелиров. Представь, на бляхе 17 на 17 сантиметров размещено 130 объемных, подчеркиваю – объемных, и, выполненных с удивительным мастерством фигурок львов, сфинксов, химер. Расенны в совершенстве владели техникой грануляции – мельчайшими шариками золота они выкладывали целые сцены, причем все это на небольшом браслете. А бронзовые статуи! Знаменитую капиталийскую волчицу и химеру сделали этруски.

Но и это еще не все. Самое дивное, не поддающееся пониманию, это загадка их цивилизации.

Цивилизация этрусков возникла раньше Рима, причем, уже тогда, в VII веке до нашей эры, они были непревзойденными мореплавателями, торговцами, у них были самые талантливые скульпторы и художники. Они научили римлян очень многому: строительству мостов и очистных сооружений, гаданию по полету птиц, искусству создания выразительной скульптуры из глины, бронзы и мрамора. Римляне переняли у них обычай окружать город защитной стеной, и при этом эти два народа постоянно воевали.

Этруски просуществовали только восемь веков, именно столько, сколько им предсказала сивилла. Их поглотили римляне. Этрусков не стало. Их цивилизация пронеслась как комета, подарив свой блеск, свое яркое восприятие мира, отдав лучшее Риму. Они неизвестно откуда появились и неизвестно куда исчезли. От них не осталось книг, мы не знаем их царей, практически не знаем их обычаев и обрядов, но нам остались гробницы.

Гробницы – это такой кладезь великолепного, выразительного этрусского искусства. И вот теперь и ты, старушка, сможешь увидеть эту красоту.

Марина сидела пораженная, с широко открытыми от удивления глазами.

– Послушай, так их цивилизация существовала до Римской?

– Существовала?! Да ты, Марин, скажешь! Она не просто существовала, у них были богатейшие города, они торговали с Грецией, они делали великолепные скульптуры, контролировали Тирренское море, а Рим в это время представлял собой поросший лесом холм. Кстати, именно этруски очистили болото, которое занимало значительную часть города, и тем самым не только избавили жителей от множества болезней, но и высвободили земли для выпаса скота.

– Сашка, ты подожди, так что ты сейчас раскапываешь?

– Об этом ты узнаешь завтра, – как-то уклончиво ответил он и тут же спросил:

– Тебе есть где ночевать-то?

Марина беспомощно пожала плечами, а потом, немного замявшись, ответила:

– Если честно, то негде.

– Так я и думал. Ладно, не расстраивайся, все уладится. Пока будешь жить в хостеле, там недорого, адресок я тебе дам. Заплати максимум за неделю, а завтра, примерно к 10 утра, ты должна быть готова. Поясняю, готова – значит, не набор косметики и платьев, а джинсы, рюкзак, несколько свитеров, удобная практичная обувь для того, чтобы лазить по холмам – как минимум две пары. Короче, собирайся, как для похода. Деньги-то у тебя есть, чтобы купить все необходимое?

– Деньги есть. Спасибо, Сашка, ты мне так помог, – начала благодарить Марина.

– Не за что. Мне надо бежать. Короче, завтра в 10–00 встречаемся на вокзале Термини. Одевайся неброско, как студентка.

Сашка несколько минут придирчиво разглядывал ее, а потом сказал:

– И волосы лучше остричь. Знаешь, там условия не очень, поэтому мало ли что, хотя, жаль, они у тебя очень красивые.

Но Марина ради работы была согласна на все:

– Хорошо, хорошо, я остригу. Спасибо тебе, Саша.

Но Саша на этот раз ничего не ответил, посмотрел на нее, как Марине показалось, участливо, быстро попрощался и вышел из траттории.

Марина расплатилась и тоже покинула заведение. На улице уже начинало темнеть, а ей предстояло сделать множество дел. Надо купить все: обувь, джинсы, свитера и рюкзак, да еще и постричься. Марина посмотрела остаток на карточке, оказалось 800 евро.

«Неплохо. Я думала, осталось меньше. Но надо экономить, значит, придется покупать все в сэконд-хэнде. Да, давно я там не была, ну что же, настала пора вспомнить студенческие годы. Кстати, здесь недалеко был хороший магазин старых вещей, и не забыть купить новую сим-карту для телефона, нельзя держать его вечно отключенным… Да, старушка, – как сказал бы Сашка, – теперь у тебя началась новая жизнь».

На следующее утро они встретились на вокзале Термини. Вместо прежней миловидной красавицы Марины, на вокзале стояла девушка-подросток в старых джинсах, больших ботинках с высокой шнуровкой, джинсовой куртке и с рюкзаком за плечами. Короткую мальчиковую стрижку Марины закрывала бейсболка какого-то непонятного цвета. Марина ждала уже десять минут, когда мимо нее, скользнув по ней взглядом и не узнав, промчался Сашка. Засмеявшись, Марина бросилась догонять его.

Она добежала до Саши, дернула его за рукав, а он обернулся и с удивлением уставился на нее. Марина, давясь от смеха и прилагая все усилия, чтобы казаться серьезной, видела, как Саша хотел было уже открыть рот, чтобы спросить: «Что Вам надо?», но все-таки сдержался. Спустя несколько секунд на Сашу, наконец, снизошло озарение:

– Маринка, это ты? Ну ты даешь, тебя вообще не узнать!

Саша теперь обходил Марину кругом, с интересом разглядывая ее, потом поднял кепку и внимательно изучил короткую стрижку:

– Старушка, так ты настоящий парень! Ну что же, экзамен на перевоплощение ты сдала на пятерку. Нет, это правда ты?

– Это я, Саша, я, – засмеялась Марина. – Признайся, а ты ведь почти спросил: «Что тебе надо, мальчик?»

– Это точно, – расхохотался Саша. – Да, выглядишь ты просто классно, но нам нужно бежать.

Сашка взял ее за руку и потащил к выходу.

– Подожди, а мы разве не на поезде поедем? – удивилась Марина.

– Нет, у меня тут рядом машина стоит, вот на ней мы и поедем.

Саша вышел из вокзала, свернул за угол и очень быстро пошел по направлению к центру города. Марина еле поспевала за ним, боясь потерять его из вида. Саша прошел, вернее, почти пробежал один квартал и остановился возле старенького фиата, припаркованного у дороги. Открыв дверь, он уселся за руль, так и не взяв у Марины рюкзака и не предложив ей сесть. Марина в нерешительности стояла возле машины до тех пор, пока Саша не крикнул ей:

– Ты что стоишь? Быстро садись. Мы и так слишком много времени потеряли.

Марина села в машину, и фиат поехал по улицам Рима, держа путь на север.

– На машине удобнее, – объяснял ей Саша по дороге. – Можно, конечно, и на поезде добираться, но потом надо ехать до места раскопок, да еще и рюкзаки с собой тащить и оборудование, поэтому пришлось мне купить автомобиль. Правда, денег на него шеф дал.

– Саша, знаешь, мне раньше казалось, что раскопки только летом ведутся, – сказала Марина.

– Летом происходит основная масса археологических раскопок, привлекается много людей и студентов, а потом у студентов начинается учеба, у археологов своя работа, а у меня, так сказать, контракт – сколько открыл гробниц, столько и получил денег.

– Саша, я не понимаю, так у тебя контракт с университетом Рима или ты на кого-то другого работаешь?

Саша усмехнулся:

– На другую контору. Ты что-то много вопросов задаешь, старушка, лучше смотри по сторонам.

Из города они выбирались около 30 минут и потом примерно столько же ехали на север. За окном было действительно красиво: умиротворяющая природа, спокойная деревенская жизнь. Затем Саша свернул с основной трассы и запетлял по узким дорогам.

– Ну вот, приехали, – сказал он и остановил машину, как показалось Марине, в чистом поле.

– Саша, а ты ничего не перепутал? А где лагерь археологов? Где палатки?

– Маринка, объясняю: мы с тобой первооткрыватели, наше дело найти нетронутые гробницы, а лагеря всякие будут уже после. Ты поняла?

– Ну, да, – ответила обиженно Марина.

Но Саша, не обращая никакого внимания на ее интонацию, продолжал:

– Марина, смотри и запоминай. Это Вейи – великий этрусский город. Город, который в начале своей истории соперничал с Римом. А холм, на котором мы стоим, напичкан гробницами, и наша с тобой задача – отыскать здесь что-то ценное. Ты пока стой здесь, а я скоро вернусь, только отгоню машину.

И Саша, быстро сев за руль, поехал по направлению к лесу. Через несколько минут машина исчезла из вида, Марина заволновалась, но вскоре увидела вдали крохотного человечка, который направлялся в ее сторону. Успокоившись, она стала разглядывать холм.

Марина внимательно всматривалась в очертания горизонта, и в какой-то момент ей показалось, что она здесь была. Была когда-то очень давно. Она с удивлением прислушивалась к внутреннему ощущению, пытаясь переубедить себя, доказывая самой себе, что она здесь точно впервые, но подсознание помнило это место, помнило очертания холмов, помнило лес вдали. Марина с удовольствием скользила взглядом по темной полосе, сливающейся с небом, и чувствовала радость, как от встречи с чем-то родным и знакомым…

– Ну что, любуешься? – спросил, подбежав, Саша.

– Да, – протянула Марина.

Он немного отдышался и стал рассказывать:

– На самом деле, сам город Вейи был когда-то очень большим. Он простирался по правому берегу Тибра вплоть до самого моря. А мы с тобой сейчас находимся за стенами Вейи, потому что захоронения в черте города этруски никогда не производили. У этрусков всегда существовало два города: город живых, окруженный массивными стенами, и город мертвых, который находился за ними. Причем между стеной и городом мертвых обязательно существовала граница шириной около трех метров. Кстати, у этрусков даже была книга о границах, в которой было четко расписано, как закладываются города, какие границы должны были быть проложены, и ни в коем случае нельзя было их нарушать. Ты, наверное, помнишь, по одной версии Ром убил своего брата близнеца Рема за то, что тот нарушил границу. А сейчас пойдем, я покажу тебе что-то очень интересное, и давай, на всякий случай, одень камуфляжную куртку, зачем нам привлекать чье-то внимание?

Марина, удивившись про себя, молча одела протянутую ей тонкую куртку и пошла вслед за Сашей, на котором уже была точно такая же.

Она так и не поняла направления, куда они шли. Саша сначала повернул направо, потом они долго шли вперед, затем налево, назад и опять направо… но Марина об этом не думала. Ее не покидало чувство чего-то знакомого, уже виденного ею раньше, и она никак не могла понять, откуда у нее это. Наконец Саша остановился:

– Вот здесь, Маринка, мы пришли.

Он зачем-то долго оглядывался по сторонам, потом, убедившись, что вокруг никого не видно, достал из своего рюкзака небольшой лом. С помощью инструмента Саша довольно легко отодвинул в сторону несколько камней и поднял с земли большой окрашенный лист железа, который Марина не заметила – он почти сливался с пожелтевшей травой. Под листом оказался крутой спуск, ведущий куда-то вниз.

Боязливо, медленно, касаясь руками холодных сырых стен, Марина пошла вслед за Сашей по узкому туннелю. «А стены все же каменные, и лишь прикрыты землей», – подумала она, спускаясь все ниже и ниже, изо всех сил заставляя себя не бояться. Лишь метров через пять спуск уперся в низкий проем, который закрывал большой камень.

– Как мы туда попадем? – вырвалось у Марины, которая втайне надеялась поскорее вернуться обратно, на холм.

– Не бойся, это так, для видимости. Это просто щит, который я окрасил под камень, – сказал Саша и с трудом отодвинул не такой уж и легкий щит внутрь камеры.

Он вошел в гробницу, и Марине пришлось шагнуть следом за ним в темное помещение. Оказавшись внутри, Саша сразу же включил фонарик, а Марина с интересом стала оглядываться по сторонам. Они находились в узком коридоре, высеченном из туфа. Его потолок сужался кверху, образуя сводчатое перекрытие на высоте человеческого роста.

Идя за Сашей дальше по тесному помещению, Марина вскоре заметила, что коридор начал расширяться. Пройдя еще около трех метров, она перешагнула порог и оказалась в большой камере. И когда Саша осветил стены этой подземной залы, Марина невольно вскрикнула:

– Сашка, это же… Это же…

Больше Марина не смогла произнести ни слова, потому что о том, что она видела, нельзя было сказать: «красиво», «прекрасно», «восхитительно». Это походило на яркий всполох кометы древнего мира, на взрыв красок и чувств, обрушившийся на нее с четырех сторон. Она ощущала, как ее собственное сердце хотело выпрыгнуть из груди и коснуться, впитать в себя волшебное великолепие фресок.

Напротив нее красовались большие, величественные, ярко-красные львы, оскалившие в грозном рычании свои страшные пасти, и огромные пятнистые леопарды, высунувшие длинные языки. Изображены они были с таким мастерством, что Марина невольно отпрянула в испуге. Но уже через несколько секунд с улыбкой умиления на губах она рассмат-

ривала тонкие ветки растений, выписанные по-детски наивно и просто: одинаково-ровные желтые, синие и голубые листочки симметрично располагались по бокам красных стеблей.

На другой стене было что-то фантастическое – лошадь на высоких ногах, вместо головы у которой, разинутая львиная пасть. Окрас у лошади необыкновенный: одна нога иссиня-черная, а другая – пятнистая, как у пантеры; круп этого странного животного так же разделен на две части: пятнистую и черную. А напротив лошади-льва была изображена лошадь-сфинкс. То же тело с длинными ногами, но вместо львиной пасти мужское строгое бородатое лицо, а по бокам туловища грациозные, ярко-полосатые крылья. И завершающим аккордом, охватывающим по низу полностью всю камеру, протянулась широкая алая лента, по которой величаво переступали изумрудные, бирюзовые, охристые… утки.

– Посмотри, что здесь, – сказал Саша, войдя в небольшой проем и осветив фонариком еще одно, уже гораздо меньшее по размерам помещение.

Марина увидела высеченное из камня ложе, а над ним, на фреске, древнего мужа, восседавшего на троне. Седая борода, огромные миндалевидные глаза, волевые черты лица, гордая осанка – все это говорило о его высоком положении и как в подтверждение этому – золотой скипетр, который он держал в правой руке. Одет он был в красный, расшитый золотом, короткий плащ, а ноги его украшали туфли с загнутыми вверх носами.

Три другие стены камеры занимали изображения воинов. Лица мужественны, суровы, красивы; волнистые темные волосы длинны, а маслянисто-черные выразительные очи… ох, как же они притягивали!

Сашка перевел свет фонарика на потолок, и Марина уже в который раз за сегодняшний день ахнула. Красные, зеленые, желтые, белые квадраты рассыпались наверху в шахматном порядке, увлекая в другой мир – мир яркий, красочный, позитивный.

Марина не могла оторваться. Она переходила из меньшей камеры в большую, и все смотрела, смотрела, смотрела. Саша понимал ее и, ничего не говоря, терпеливо ждал, освещая то один участок стены, то другой, в третий, пятый, десятый раз столько, сколько хотелось Марине. А Марина, занимавшаяся профессионально дизайном, увлекавшаяся мастерами Возрождения, изучившая немало прекрасных произведений искусства, вдруг поняла, что все, что она видела до этого, было абсолютно другим.

Нет, картины Леонардо, Рафаэля, Боттичелли, Микеланджело, Тициана прекрасны, но теперь Марине они казалось немного показными, искусственными. Превосходная техника рисунка, прекрасное владение цветом, точность передачи характеров изображенных персонажей – все так, но душа мастера… ее не видно, она скрыта, завуалирована, припрятана. Живописцы той эпохи всегда оставляли место чему-то недосказанному, какой-то загадке, или более того, с помощью символов и знаков зашифровывали на полотне некие теории и тайные смыслы.

И фрески этрусков – абсолютно правдивые, искренние, по-детски непосредственные и чистые, с которых на зрителей обрушиваются яркие чувства их открытых нараспашку сердец.

Они, жившие более 2600 лет тому назад, видели мир именно таким. Они боялись страшного льва и леопарда, искренне восхищались и любили природу, видели фантастических сфинксов, были сильными и смелыми воинами. Они жили, любили, рождались и умирали в другом мире. В другом, потому что ощущали природу не как ее хозяева. Они любили ее, как любят самое-самое дорогое.

Этруски видели в природе друга, который учит их понимать, думать, мыслить. В основном природа была для них благодетелем, одаривавшим всем необходимым, а иногда, и справедливым карателем. Они жили миром трав, лесов, миром неба, солнца, птиц, животных, читая по нему, как теперь читают по книгам, ища в нем для себя добрые и злые знаки, предзнаменования, боясь ему навредить, любя его постоянно, каждое мгновение, во всех его про-

явлениях. Этруски были мужественными и сильными, искренними и любящими, и они всегда были вместе с окружающей их природой.

Марина еще и еще раз смотрела на фантастически-удивительные, яркие, живые росписи и думала, что мы, живущие сейчас, в XXI веке, полностью заслонившись техническим прогрессом, совсем не знаем того, что было на этой земле тысячи лет назад. И только благодаря вот такой гробнице мы можем увидеть… пусть чуть-чуть, самый краешек, но все же заглянуть в их мир, мир, который так отличается от нашего.

А почему мы решили, что никогда не было ни сфинксов, ни коней, с удивительно длинными ногами и яркими крыльями? А, может быть, они все-таки были? Конечно же, с научной точки зрения это невозможно – никто пока не обнаружил скелет сфинкса или крылатого коня, но…, ведь в существование Трои тоже долго никто не верил.

Мы верим, что никогда не было ни Зевса, ни Афродиты, ни Аполлона, ни множества других богов, описанных абсолютно у всех древних народов, только под разными именами. Мы верим, что не было ни страшных циклопов, ни медузы-горгоны, не было кентавров, сирен, а еще, мы верим в то…. что человек произошел от обезьяны. Наверное, долго бы смеялись древние этруски, если бы им кто-нибудь сказал такое.

Наш мир и мир этрусков – это как два полюса. Это разрушающий прогресс и мудрость, материализм и искренность, пренебрежение законами природы и безоговорочная вера в них.

Марина все смотрела и смотрела и опять почувствовала, что ей уже знакомы эти образы, краски, что она уже где-то видела этих смелых воинов и разноцветных уток, идущих по широкой полосе вдоль всей камеры. Но она точно знала, что не могла раньше этого видеть.

«Не могла в этой жизни, а, может быть, в прошлой?» – вдруг невольно промелькнуло в голове Марины.

Саша все-таки не выдержал. Даже его бескрайнему терпению пришел конец:

– Ну все, Маринка, пошли, а то скоро стемнеет, а мы тут уже больше часа торчим.

– Саша, а мы еще придем сюда? Здесь так красиво… А ты можешь подождать еще минут десять? – взмолилась Марина.

– Так, Марина, даю тебе еще пять минут, и все, к выходу.

Марина жадно всматривалась, стараясь запомнить, а ее подсознание говорило ей:

«Ты все это уже знаешь, это живет в тебе».

Пять минут пролетели как одно мгновение, и когда Сашка за руку потащил ее из гробницы, она чуть не заплакала. Марина не хотела отсюда уходить, она обрела здесь что-то очень значимое для себя, и боялась, что, выйдя наружу, она потеряет это незримое, но очень важное.

Сначала ее глаза не могли привыкнуть к дневному свету, Марина их закрывала, и перед ней опять проходили ярко-синие, красные, леопардовые видения. Потом глаза привыкли, и она с удивлением стала смотреть на коричневую землю, на поблекшую траву, на нежно голубое небо и не могла понять, почему мир, нарисованный в гробнице, такой яркий, необычный, сильный. Ведь тысячи лет назад этруски видели то же небо, ту же землю, те же леса, или нет? Или, они видели еще что-то другое, а, может быть, это другое – яркое, великолепное, жило в них самих?

– Ну как тебе, а? – спросил Саша.

Марина долго молчала перед тем, как ответить:

– Саш, я и не знала, что бывает такая красота! Это какое-то волшебное зрелище. Мне даже сложно подобрать слова, чтобы выразить…. восхищение, удивление от фресок этрусков. Они переворачивают все мое представление о мире, о древнем искусстве, о живущих тогда людях.

– Да, Марина. Я же тебе говорил, что их произведения – это чудо, – довольно улыбнулся Саша.

Марина встрепенулась:

– Я никогда не видела такого раньше. Саша, но почему в эту гробницу не открыт доступ для всех? Почему люди не могут любоваться такими восхитительными росписями, такими красками?

– Ну, Маринка, ты даешь. Только представь, что бы здесь тогда началось. Куча туристов, любопытствующих и все такое. Вообще говоря, гробница, которую ты сейчас видела – огромная редкость. Ты сама должна понимать, что пока камера не раскрыта, краски не портятся из-за атмосферных осадков, да просто из-за воздействий воздуха. Потом, когда захоронение открывают, фрески постепенно начинают тускнеть, и через несколько десятков лет мы видим только какой-то блеклый рисунок.

Раскопки этрусских гробниц ведутся еще с XVII века, и поверь мне, самая меньшая часть археологических раскопок в Этрурии носит исследовательский характер. В основном на захоронения случайно натыкались, и тогда их просто вскрывали для того, чтобы забрать бесценные вазы, золотые украшения, изделия из бронзы, а потом гробницы просто закапывали. Конечно, проводились и систематизированные раскопки, делались зарисовки подземных камер, тщательно копировались росписи, и, кстати сказать, благодаря этому мы можем понять, как когда-то выглядела та или иная гробница. И только в единичных случаях фрески снимались со стены и перевозились в музей или частную коллекцию, и тогда их удавалось спасти. Прибавь к этому, что захоронениям этрусков без малого два с половиной тысячелетия, а это срок не маленький, и за такой промежуток времени происходило множество событий, начиная от постоянного осыпания земляных пород, вплоть до полного заболачивания огромных территорий. Именно это и случилось с большим и богатым портом этрусков – Спиной.

На самом деле, до сих пор открываются все новые и новые гробницы, например, после Второй мировой войны только в Тарквинии удалось открыть 2600 гробниц, из них 22 с росписями. Кстати, пропорции налицо, уцелевшие росписи в гробницах этрусков – это огромная редкость. А что касается посещения, то некоторые этрусские захоронения ты можешь увидеть, например, в Тарквинии. Теперь тебе понятно, что камера, которую ты сейчас видела, это исключение из правил?

– Нет, Саша, я все понимаю. Но почему именно эту великолепную гробницу не огородили, почему здесь сейчас не работают археологи, искусствоведы, почему нельзя сюда попасть как туристу?

Сашка молчал. Марина внимательно посмотрела на него и поняла, что он не знает, что ответить. Через несколько секунд Саша нашелся:

– Конечно, в нее пока нельзя попасть. Понимаешь, сейчас зимний сезон, затишье, когда будет потеплее, сюда приедет куча народу, будут срисовывать росписи со стен, все фотографировать, вот после всего этого ее и откроют для широкой публики.

Марину этот ответ очень удивил. Она была знакома с Сашей несколько лет и знала, что врать он не умеет. Сейчас она поняла, что Сашка все придумал тут же, на ходу. «Странно все это», – подумала Марина про себя, но ничего не сказала. Вместо этого она опять стала вспоминать прекрасные фрески из сегодняшней гробницы.

Они опять шли по огромному холму, Саша постоянно осматривался, как будто что-то выискивая. Пройдя около 15 минут, он остановился и достал из сумки какой-то прибор.

– Что это такое? – спросила Марина.

Сашка обрадовано стал объяснять:

– Это незаменимая в нашей работе вещь. Не можем же мы с тобой перекопать весь огромный холм лопатой, ведь так? И поэтому нам на выручку пришла техника. Ты сегодня была в гробнице и видела, где хоронили этруски?

– Ну, в камерах, – ответила Марина.

– Правильно, старушка. А наша задача найти эти самые камеры. Земля проводит электрический ток, но проводимость земли и пустой камеры разная. Вот для этого-то и служит этот приборчик. Сейчас мы его настроим и проверим, где в ближайшем месте есть гробницы.

– Да везде, – удивилась Марина, – мы на них стоим.

– Вот именно. С одной стороны – это хорошо, много гробниц, значит, есть вероятность отыскать что-то ценное. А с другой стороны – плохо, потому что захоронения повсюду.

Саша установил прибор, что-то долго настраивал, а потом стал смотреть на монитор, поворачивая прибор то в одну, то в другую сторону. После долгих раздумий, он произнес:

– Ну, давай попробуем вот туда, метров 20 на север.

– А мы теперь будем копать?

– Нет, копать мы не будем. Вернее, мы выкопаем небольшую яму, диаметром сантиметров 8 и опустим в гробницу видеокамеру, которая нам все покажет… Давай-ка ты, Марина, иди вон в ту сторону шагов тридцать, а я точно замерю расстояние. Я тебе помашу рукой, когда надо будет остановиться.

Пройдя сколько было положено, Марина повернулась к Саше. Он стал знаками указывать ей направление, куда перемещаться и Марина шагала по холму: пять шагов вправо, четыре прямо, остановиться. Потом она увидела, как Саша долго что-то изучал, склонившись над прибором, затем он собрал его и направился к ней.

– От тебя надо взять еще метр влево, – сообщил он, когда подошел.

Саша достал из сумки какой-то инструмент и стал с помощью него выкапывать глубокую яму небольшого диаметра.

– Это бур, – пояснил он.

Через некоторое время по звуку Марина поняла, что бур наткнулся на что-то твердое.

– О, камни пошли, значит, скоро попадем в гробницу, – сказал Саша.

Он поработал еще какое-то время и остановился, затем достал из сумки стеклянный цилиндр, положил в него небольшую камеру и опустил все вместе в проделанное отверстие. Потом стал настраивать уже другой прибор.

– Смотри, сейчас мы установим освещение и яркость, и видеокамера нам покажет наши сокровища, конечно, если они там есть.

Они вместе заворожено уставились в монитор. Сначала Марина увидела голую стену, потом Саша начал поворачивать камеру, и перед ними предстало довольно большое помещение, дальний конец которого был завален землей. Видеокамера, управляемая опытной Сашиной рукой, делала полный круг и опускалась ниже, демонстрируя отсыревшие от времени стены. Прошло немало времени, прежде чем Марина поняла, что гробница абсолютно пуста. Только на одной стене остался совсем небольшой фрагмент потускневших, блеклых фресок. А Саша продолжал работать. Он опускал камеру с каждым разом все ниже и очень внимательно вглядывался в монитор.

– Зачем ты смотришь дальше, ведь видно, что росписей в гробнице нет? – не выдержав, спросила Марина.

– Ты что, при чем тут росписи? – сначала даже не понял Саша. – Эх, Маринка, росписями сыт не будешь. В гробнице может не остаться фресок, но на полу могут стоять дорогущие вазы, а еще лучше, если лежит чей-то труп, вернее уже прах, и куча золотых украшений, тогда, считай, тебе действительно повезло. Не отвлекай, Марина.

И Саша опять стал изучать изображение в мониторе. Марина недоуменно посмотрела на него. Она ничего не понимала: странно, оказывается, росписи не самое главное?! И она,

чуть обидевшись, начала разглядывать холм, на котором стояла. А Саша все не отрывал взгляда от прибора. Только спустя пятнадцать минут он произнес:

– Да, Марина, ты права. Там действительно ничего нет. Вернее, в дальнем углу, где завалено землей, стоит ваза, но только одна. Из-за одной вазы, поверь мне, заморачиваться не имеет смысла. Да, очень жаль.

Саша аккуратно вынул из ямы стеклянный цилиндр, достал оттуда видеокамеру, все очистил и убрал в сумку.

– Жаль, конечно, – повторил он. – Считай, день прошел впустую, ничего не нашли. Сегодня нам пора. Уже поздно искать другое место – не успеем проверить, потому что скоро начнет темнеть. А завтра, Марина, давай-ка в 9 утра уже выезжать, договорились?

– Хорошо, как скажешь. А ты завтра покажешь мне еще гробницы с росписями?

– Нет, не покажу. Потому что на этом холме я знаю пока одну гробницу с росписями, и именно ее ты сегодня видела. А вот если мы найдем с тобой что-то подобное, то это будет просто супер. Так что завтра выезжаем пораньше, и надо искать.

Они уже шли по направлению к дороге, туда, где стояла машина, когда Марина решилась задать мучивший ее вопрос:

– Саша, а почему ты сказал, что росписи не главное? Я не спорю, золотыми украшениями можно любоваться в музее, и это прекрасно, и вазы тоже очень красивы, но именно росписи передают характер этрусков. Только увидев такие прекрасные фрески, какие я видела сегодня, современный человек сможет более полно понять этот древний народ, почувствовать их мир.

Но Саша почему-то разозлился:

– Опять ты со своими росписями! Слушай, Марина, у нас с тобой чисто деловое соглашение: мы вместе ищем гробницы, и все. Если тебя что-то не устраивает, ты можешь отказаться. Пожалуйста, иди ищи себе другую работу. И не задавай мне больше глупых вопросов!

У Марины на глазах от обиды выступили слезы, и она тут же отвернула голову, чтобы Сашка не заметил их.

«Они, наверное, сговорились, – думала про себя Марина. – Сначала Лучано меня обижает ни за что ни про что, а потом еще и Сашка. Конечно, он знает, что мне нужна работа, и делает мне больно, говоря такие вещи».

Марина засопела от негодования и еще больше отвернула голову. Так, молча, они дошли до машины. Когда Саша выехал на трассу, он все-таки сказал:

– Ладно, старушка, не дуйся. Мы же работаем вместе, просто я не люблю лишних вопросов.

Марина ничего не ответила. Молча они доехали до Рима и уже в Риме, паркуя свою машину, Саша предложил Марине:

– Давай вместе поужинаем, я плачу. Ты как насчет пиццы?

Но Марина еще не отошла:

– Нет, я пока не хочу есть. Во сколько мы завтра встречаемся?

– В 9 на вокзале.

– Хорошо, я буду к 9-ти. Пока.

Марина вышла из машины, накинула на одно плечо свой рюкзак и свернула в ближайшую маленькую улочку.

Время было 8 часов вечера. В хостел ей не хотелось возвращаться так рано – ее соседкой по комнате оказалась болтливая афроамериканка, постоянно ей что-то рассказывающая и расспрашивающая обо всем. Сейчас Марине не хотелось ни слушать ее болтовню, ни, тем более, отвечать на ее вопросы. Поэтому Марина сначала перекусила куском пиццы и кофе, а потом направилась в небольшое интернет – кафе, попутно отругав себя за то, что не взяла от

Лучано свой ноутбук. Правда, ругала она себя не очень долго, так как теперь все ее мысли занимали этруски.

Из кафе Марина вышла уже в двенадцатом часу, после того, как прочитала несколько статей об истории тирренцев (в древности именно так называли этрусков), их жизни, обычаях, и посмотрела фотографии этрусских гробниц. Приехав в хостел, она приняла душ и сразу же легла спать.

И вот ночью с ней произошло что-то удивительное – Марине приснился сон. Но не обычный сон, какие снятся часто каждому из нас, а сон – реальность: во сне она жила, чувствовала, разговаривала. Она помнила каждую деталь своего сна, каждое сказанное слово, каждое свое ощущение и точно знала, что все это было с ней, было примерно… 2600 лет назад.

* * *

Она проснулась с первыми, еще робкими лучами солнца. Лежа в постели с открытыми глазами, она прислушивалась к звукам дома. Тишина – все еще спят. Спят родители в соседней комнате, спят братья и даже рабы. На потолке, сквозь рассеивающийся мрак, начинают проступать разноцветные квадраты: уже видны темнозеленые, можно различить красные, но ее самые любимые солнечно-желтые, пока скрывает темнота. Прекрасные лошади, страшные медузы, диковинные драконы, расположенные на карнизе под потолком, отбрасывают причудливые тени на стены, на которые сейчас падают нежные блики колесницы богини утренней зари – Тезан.

Она тихонько, чтобы никого не разбудить, встает и берет зеркало. Сначала проводит рукой по шершавой поверхности бронзового диска и, как всегда, любуется тончайшими линиями рисунка: широкой гирляндой из цветов и веток, окаймляющей диск по кругу, и изображением прекрасной богини Уни, склонившей голову к правому плечу. Затем она переворачивает зеркало и разглядывает свое отражение. Ее зовут Акрисия Вибенна, ей 11 лет, у нее золотистые густые волосы, светлая кожа, светло-карие глаза и она…. другая.

«У отца, матери и братьев волосы и глаза черные как ночь, а у меня и кожа намного светлее и глаза другого цвета. Почему я не похожа на них?» – думает Акрисия.

Однажды она спросила об этом у матери, но та, мгновенно рассердившись, сказала:

– Не спрашивай этого никогда, – и вышла.

Акрисия испугалась. Она перестала кому бы то ни было, кроме себя, задавать этот вопрос, но он мучительно терзал ее всякий раз, как только она видела свое отражение.

Сейчас Акрисия расчесала свои густые волосы и быстро заплела их в две толстые косы. Она точно знала, что мама опять будет ругать ее:

«Прежде всего, после того, как ты проснулась, – как будто слышала ее голос Акрисия, – ты должна разбудить рабыню, которая расчешет твои волосы, сделает красивую прическу, затем подаст твою одежду».

«Ой, мама, мне так некогда! Если я буду ждать, когда рабыня проснется, причешет, заплетет, то я никуда не успею. Мне надо быстро», – мысленно возразила она маме, одевая длинную светлую льняную тунику, затем широкий, расшитый красной нитью плащ.

На руку Акрисия надела свой любимый браслет, а на шею золотую буллу, указывающую на то, что она еще ребенок, и в последнюю очередь высокие туфли, из тонкой кожи, с загибающимися вверх носами – калцеи.

Она вышла из своей комнаты и оказалась в вестибюле, в который выходили двери трех соседних комнат. Снова прислушалась – из спальни родителей и из комнаты старших братьев не доносилось ни звука. Еще немного постояв, Акрисия быстро и очень тихо проскользнула в атриум.

Довольно большой атриум имел форму прямоугольника. В центре находился колодец для сбора дождевой воды, а в покрывающей атриум крыше, прямо над колодцем, имелось квадратное отверстие. В этом помещении отец и мать принимали посетителей, и скамьи, обшитые переливающейся огненно-желтой, дорогой тканью, великолепные статуи и бронзовые треножники, расставленные вдоль стен, предназначались для того, чтобы показать гостям богатство и процветание их семьи. Дверь из атриума вела на улицу.

Акрисия вышла, миновала два ряда колонн, украшающих дом наподобие храма, спустилась по лестнице, расположенной в центре и оказалась на широкой улице. Повернув, она быстро зашагала по вымощенной камнем дороге.

«Этот дом принадлежит Ларсии и Авлу Танхвил, – думала Акрисия, проходя мимо ряда домов, – и на крыше их дома нарисованы белые кони. А на крыше моего дома изображена медуза – горгона с высунутым языком, а вот на следующем доме, в котором живет Сетр Велтур, – ужасно страшные змеи. Все эти знаки нужны для того, чтобы отпугивать злые силы, и видны только сверху. Какая у нас все-таки красивая улица! Наверное, самая красивая в Вейи, конечно, не считая той улицы, на которой стоит дворец моего деда – царя города. У него целых 20 комнат, расположенных на двух этажах, и огромный двор, где он принимает посетителей, а еще, у него множество рабов, намного больше, чем у нас… И все-таки хорошо, что на моих калцеях кожаные подошвы», – вдруг пришла ей в голову мысль, – «какой бы сейчас стоял грохот, если бы я одела свои деревянные сандалии! Так, сейчас мне надо свернуть направо и идти на север, по направлению к воротам, ведущим к дороге на город Цере.»

Акрисия вскоре вышла к высоким стенам, окружающим город, миновала ворота и оказалась на холме, покрытым нежно – зеленой травой. Она остановилась лишь на мгновение, с удовольствием всматриваясь в знакомую линию горизонта, туда, где темный лес сливался с розовеющем от встающего солнца небом. Потом Акрисия сняла калцеи, взяла их в одну руку, второй рукой подхватила длинный плащ и быстро, как бегают мальчишки, побежала босиком по направлению к высокому дубу.

Поднимающиеся к солнцу влажные бутоны цветов, утренняя свежесть, чистота, свет, только что проснувшегося светила, и аромат лета, травы, влажной земли. Бежать по росе было немного холодно, но как приятно! Акрисия быстро приближалась к огромному старому дубу, стоявшему на середине холма.

Того, кто ждал ее, сначала не было видно из-за ствола дерева, но она точно знала, что он там есть. Этого пожилого человека звали Лар Расна. Никто не знал, сколько ему было лет, так же, как никто не знал, откуда он родом. Несколько лет назад он пришел в Вейи и стал жить в пустом, заброшенном доме на окраине города. В его взгляде было столько мудрости и величия, что иногда Акрисии казалось, что он принадлежит к другому, более древнему миру. Но при этом Лар Расна всегда одевался в самую скромную, поношенную одежду, а на его плаще отсутствовали даже самые простые украшения. Лар никогда ни у кого ничего не просил, он не состоял ни в одном совете города, хотя его приглашали во все, более-менее значимые. Но каждый в Вейи знал, что если с ним что-то случится, то надо обратиться именно к Лару Расне, и он поможет.

Он никогда не брал серебра, украшений, вина, он соглашался принимать только еду, и жители города шли к нему чередой и оставляли кто молоко, кто яйца, или приносили разнообразные плоды и орехи. Лар давал советы только действительно нуждающимся людям. Если он слышал праздные вопросы, он молча отворачивался в другую сторону и ждал до тех пор, пока любопытный не покидал стен его дома.

Несколько месяцев назад Акрисия вместе с братьями проходила мимо дома Лара. Он стоял возле открытой двери, всматриваясь в небо. Когда Акрисия, поприветствовав его, уже прошла мимо, Расна вдруг окликнул ее:

– Как тебя зовут, девочка?

Она остановились:

– Меня зовут Акрисия Вибенна, – ответила она, украдкой поглядывая на братьев, боясь, что они уйдут без нее.

– Кто твои родители?

– Моя мать Хасти Вибенна, дочь царя Вейи, мой отец Ларис Вибенна.

Лар кивнул головой, о чем-то раздумывая.

– Ты знаешь, как гадать по полету птиц? – спросил он у нее.

Акрисия не знала. Ее братьев обучал жрец Тахо, который был гаруспиком[3]. Но она девочка, а девочкам важнее учиться вышивке и плетению, именно так считала мама, а самой Акрисии очень хотелось научиться этой науке.

Сильно смутившись, она ответила:

– Я очень плохо знаю.

Лар опять немного кивнул головой и сказал:

– Приходи завтра, как только Тезан начнет озарять лучами небо, к большому дубу, что на холме возле дороги на Цере, я научу тебя.

Акрисия очень удивилась, а потом спросила:

– А можно со мной придут мои братья?

Еле заметно улыбнувшись, Лар Расна утвердительно кивнул головой.

И вот уже два месяца, в те дни, когда не было дождя, Акрисия прибегала к дубу, и всегда там ждал ее старец Лар. Первые несколько раз и братья приходили вместе с ней, но потом им это наскучило. «Уж лучше мы будем спать дома», – сказали они Акрисии. Она же с нетерпением ждала следующего утра, боялась проспать, и как только богиня Тезан начинала запрягать свою волшебную колесницу, отбрасывающую чуть розоватые лучи на землю и небо, Акрисия уже вскакивала с постели.

Лар Расна учил ее гадать по полету птиц, они много разговаривали, и для Акрисиии он стал мудрым учителем и другом.

[3] Гаруспик – жрец-гадатель по печени жертвенного животного. В 1894 году к ученым попала бронзовая модель печени овцы, по которой древние этруски учились гадать (бронзовая модель была найдена под Пьяченцой, до сих пор ее многие называют печень из Пьяченцы). Модель разделена на участка, на каждом из которых написано имя бога, отвечающего за данный участок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.